

Светлана Дроздова

Стальной орел. Мировой порядок

Светлана Дроздова

Стальной орел. Мировой порядок

«Автор»

2026

Дроздова С. В.

Стальной орел. Мировой порядок / С. В. Дроздова — «Автор», 2026

Это техно-фэнтези-сага о Риме, который не пал, а переродился в технологическую сверхдержаву. Император Александр Октавиан, киборг и безжалостный завоеватель, ведет легионы через джунгли Конго, сжигает царства Египта и возводит титановую стену в Британии, превращая врагов в сырье для имперских машин. Рядом с ним — Октавия, хладнокровный стратег, готовая препарировать богов ради науки, и Сталкер, диверсант, для которого война стала смыслом жизни. Кульминация — глобальная битва, где Рим стирает миллионную армию варваров климатическим оружием. Завоевав мир, Александр оказывается в ловушке собственного совершенства: идеальная империя больше не нуждается в человеке. Эпилог — тишина победы, в которой герой осознает, что стал лишней деталью в созданной им машине. История о том, как завоевание Вселенной превращается в самое одинокое путешествие.

© Дроздова С. В., 2026

© Автор, 2026

Светлана Дроздова

Стальной орел. Мировой порядок

Глава 41. Иллюзия суши

Рассвет над дельтой Нумидийского Нила пах не пылью и лавром, как обещали ветераны Третьего Железного, вернувшиеся из похода на Карфаген веком ранее. Он пах гнилым деревом, стоячей водой и сладковатым смрадом разложения — запахом самой Африки, переваривающей металл Империи.

Александр Октавиан сидел на раскладном табурете посреди штабной палатки, опираясь голыми лопатками о влажный парусиновый полог. На нем не было ни тяжелой лорики сегментаты из уральской броневой стали, ни пурпурного палудаментума, вес которого обычно пригибал к земле даже самых крепких триумфаторов. Только простая льняная туника цвета неотбеленного полотна, потемневшая от пота под мышками и на спине. Император Рима снял доспехи впервые за полгода — с того самого дня, как ступил на берег Гипербореи.

Его тело, привыкшее к постоянной вибрации моторов «Титана-Претора» и тяжести нагрудника, казалось ему сейчас чужим, пугающе легким и уязвимым. Под левым соском темнел синяк размером с блюдце — след от удара о бронзовый край переговорной трубы во время шторма неделю назад. Ребра все еще ныли тупой, пульсирующей болью при каждом глубоком вдохе, но здесь, в липкой жаре африканского болота, эта боль казалась чем-то нереальным. Иллюзией оставленного позади мира машинного огня.

Напротив него, скрестив ноги на походном сундуке, сидела Октавия. Она тоже сбросила имперский панцирь власти. Вместо строгого алого пеплоса сенаторской жены на ней была суровая армейская субармалис из плотной льняной ткани, перепоясанная кожаной португеей с кобурой для плазменного пистолета системы «Вулкан-Марк II». Ее золотой венец-диадема лежал в герметичном свинцовом контейнере у ног раба-медика, завернутый в промасленный шелк. Волосы, обычно уложенные в идеальную прическу высотой в два локтя, были стянуты в тугий, грязный узел на затылке. Левую скулу пересекала свежая царапина, набухшая темной кровью. Но лицо Императрицы оставалось абсолютно спокойным. Она выглядела не правительницей полумира, а командиром штрафбата, потерявшим связь со Ставкой.

— Они вязнут по самую ось, Цезарь, — произнесла Октавия, не отрывая взгляда от восковой таблички, исписанной мелким, летящим почерком. Она крутила в пальцах стеклянную ампулу с прозрачной жидкостью, ловя ею тусклый свет масляной лампы. — «Титан-Претор» лег на брюхо час назад. Турбины захлебнулись смесью ила и соленой воды залива. Если мы попытаемся дернуть его тягачами, вырвет трансмиссию. Мы потеряли мобильность.

— Прикажи разобрать, — хрипло ответил Александр. Голос из вокодера внутренней связи шлема звучал глухо, лишенный привычных божественных интонаций. Это был голос смертельно уставшего механика. — Снимите броню. Используйте плиты как фундамент для частокола.

Октавия медленно подняла голову. В ее глазах не было раздражения, только холодная констатация факта.

— Некому снимать, Алекс. Люди отказываются выходить за периметр. Посмотри на них.

Она кивнула в сторону откинутого полога палатки. Легионеры Третьего Железного сидели в жидкой тени чахлой акации, облепленные мухами величиной с виноградную ягоду. Они не точили клинки и не чистили затворы огнеметов. Они смотрели воспаленными, лихорадочными глазами на свои руки, покрытые гнойными волдырями от укусов неизвестных насекомых. Дисциплина пока держалась на страхе перед децимацией, которую обещал Сталкер, но боевой дух вытек из этого лагеря вместе с потом. Воздух дрожал не от жары, а от густого, вибрирующего гула миллионов крыльев — местная мошкара пыталась пробить пропитанные репеллентом сетки, создавая звуковой фон начинающегося безумия.

В палатку вошли нумидийцы. Без спроса. Их тощие, черные от загара и копоты тела были покрыты толстым слоем древесного пепла и геометрическими шрамами. Они двигались бесшумно, их босые ступни не поднимали брызг даже в грязи. Воздух мгновенно наполнился резким мускусным запахом чужой плоти — настолько сильным, что римские собаки-парии, охранявшие вход, прижали уши и отползли в стороны, боясь обляять пришельцев.

Вперед выступил старик с бельмом на глазу. Его кожа напоминала выдубленный пергамент. Он оперся на посох из узловатой акации и окинул палатку взглядом человека, оценивающего товар на рынке.

— Камень тонет, Белый Охотник, — проскрипел он на ломаной латыни торговцев. — Вы принесли сюда тень камня. Здесь живет вода. Вы боги севера, Цезарь. Здесь вы — утопленники.

— Чего ты хочешь? — спросил Александр, чувствуя, как внутри поднимается глухое раздражение. Впервые за десятилетие какой-то дикарь смотрел на него не снизу вверх, а как энтомолог на редкое насекомое.

Старик улыбнулся, обнажив десны, в которых осталось лишь несколько желтых зубов.

— Золото ржавеет в этой воде быстрее железа. Зерно сгниет до следующего новолуния. Отдай нам своих врачей. Тех, кто режет вашу плоть железом. Наши духи требуют плату за проход через топь.

— Нет, — отрезала Октавия раньше, чем Александр успел открыть рот. Она встала, и её фигура внезапно заполнила собой всё пространство шатра. Никакой брони — только мокрый лен и сталь взгляда. — Ваши духи подавятся. Я могу предложить серебро. Могу предложить сталь, которая не тонет. Но мои врачи останутся при мне.

— Тогда твои солдаты останутся в грязи, — равнодушно пожал плечами старик. — Вода заберет железо. Потом она заберет кровь.

Он развернулся и вышел так же беззвучно, как вошел. Следом скользнули его спутники, оставив после себя запах гниющих водорослей и жженого каннабиса.

Ночь упала на дельту мгновенно, без сумерек. Небо затянуло низкими облаками, скрывшими звезды. Лагерь погрузился в густую, осязаемую тьму, освещаемую лишь бледным свечением планктона в черной воде лагуны и редкими вспышками статического электричества над кронами баобабов.

Звонящая тишина тропиков обрушилась на уши тяжелее любого боевого рога. Не было слышно цикад — местная мошкара выжрала их всех. Не ухали птицы. Только ритмичный плеск воды да звяканье металла где-то на дальнем посту. Этот звук сводил с ума: мозг Александра, перегруженный годами лязга гусениц, отказывался принимать естественную тишину джунглей, постоянно ожидая подвоха из-за каждого ствола.

Первым погиб часовой на северной башне. Он просто исчез. Копье из закаленного рога антилопы пробило его кольчугу беззвучно, вошедшее в щель между пластинами спины. Тяжелый труп рухнул вниз, в черную воду, не издав ни звука — ил принял его, сомкнувшись над головой с тихим чавканьем. Дежурный декурион заметил отсутствие солдата только спустя десять минут, когда сменщик полез наверх и споткнулся о пустые ножны.

Затем погас огонь в медицинском шатре. Галл Приск успел вскрикнуть — коротко, удивленно, — прежде чем обсидиановый осколок перерезал ему горло. Лазарет, сердце любой римской армии, перестал существовать. Вместе с ним умерла надежда на сыворотку от местной лихорадки, симптомы которой уже начали проявляться у трети личного состава: сухой кашель, покраснение белков глаз и странное, почти эротическое спокойствие перед лицом смерти.

И только когда вода в лагуне начала бурлить от десятков всплывших тел, тревогу протрубили слишком поздно.

Нападение началось без звуков. Нумидийские диверсанты использовали надутые козы пузыри под подбородками как дыхательные трубки. Они подошли к лагерю вплавь под самой поверхностью воды, невидимые для сонных дозорных, обманув тепловые сенсоры вышек собственным телом, охлажденным донной грязью. Периметр прорвался сразу в десятке мест.

Это была не битва. Это была хирургическая операция мясников. Противники не строились в полки, они выпрыгивали из ила прямо под днищами грузовиков, работая короткими тесаками из китовой кости и обсидиана. Никакого лязга стали о сталь — только влажное сопротивление плоти, хруст хрящей и бульканье крови, заполняющей легкие умирающих.

Александр выбрался из-под разрезанного полога палатки, когда внутрь уже лез первый диверсант. Никакой брони — она слишком тяжела в трясине, она превращает человека в якорь. Никакой имперской грации. Только мокрый шелк туники, скользкая рукоять гладиуса и животный инстинкт самосохранения.

Противник оказался подростком, гибким и черным, как головешка. В свете горящего склада их лица оказались в футе друг от друга. Мальчишка не издал ни боевого клича, ни проклятия. Его белые глаза горели фанатичным восторгом разрушения. Он ударил ножом сверху вниз, целясь в шею.

Александр перехватил запястье левой рукой, чувствуя, как лезвие рассекает кожу предплечья до кости. Боль пришла секундой позже — острая, белая, оглушающая. Правой рукой он всадил гладий мальчику под ребра. Клинок вошел легко, почти без сопротивления, соскользнув с ребра и войдя прямо в желудочную сумку. Теплая кровь плеснула Императору в лицо, забивая ноздри медным запахом. Они стояли так секунду, глядя друг другу в глаза, затем Александр провернул клинок. Мальчик булькнул горлом, изо рта пошла розовая пена, и обвис. Император оттолкнул тело. Оно упало в грязь с мягким, влажным звуком, который тут же поглотил новый взрыв гранаты из вулканического стекла.

Лагерь горел. Оборона рассыпалась. Нумидийцы методично вырезали сонных легионеров, используя численное преимущество и знание местности. Третья когорта Железного легиона, ветераны Парфии и Гипербореи, люди, пережившие ядерные зимы севера, превратилась в стадо обезумевших животных. Они бежали куда глаза глядят, скользя по гниющим листьям, сталкиваясь друг с другом, подставляя незащищенные спины под крючья фанатиков, чьи белые глаза горели фанатичным восторгом разрушения. Римская машина сломалась. Логистика столкнулась с хаосом, и хаос победил.

Александр почувствовал ледяной спазм в груди. Это был не приступ боли от старых переломов. Это было осознание абсолютного провала всей его философии. Империя строилась на логике: сталь всегда побеждает плоть. Логистика, математика, термодинамика. Сейчас плоть рвала сталь на части, и этой плоти было бесконечно больше. Джунгли рождали воинов быстрее, чем заводы Остии плавил бронзу. Страх полз по рядам быстрее, чем пламя по сухим камышовым крышам складов.

— Ко мне! — взревел Император, активируя внешние динамики брони на полную мощность. Инфразвуковой рык заставил ближайšie деревья содрогнуться, осыпая листву. — Офицерский резерв! К преторию! Предателям — смерть на кресте!

Толпа дрогнула. Страх перед дезертирством и гневом Императора оказался сильнее страха перед ножами из ночи. Ближайšie к нему преторианцы начали сбиваться в плотное каре вокруг своего бога. Щиты сомкнулись с тяжелым, сочным лязгом. Кровь стекала по позолоте нагрудников, собираясь в лужицы на перекрестьях умбонов. Земля стала скользкой от внутренностей тех, кому не повезло оказаться на пути отступающей толпы.

Октавия втокнула мужа внутрь круга, прикрывая его спину своим телом. Она двигалась жестко, толкая плечом здоровенных гвардейцев, занимая позицию в мертвом секторе. Ее руки были по локоть в черной жиже, но взгляд оставался ясным.

— Ребра? — коротко спросила она, не поворачивая головы. Ее взгляд был прикован к небу, пальцы механически вбивали новую обойму в приемник «Вулкана».

— Заткнись и считай цели, — огрызнулся Александр, переводя регулятор мощности пистолета в режим непрерывного луча. Энергия батареи будет сожжена за минуту, но сейчас им нужна была стена огня. — Скажи, когда кончатся фанатики.

Но фанатики не кончались. Казалось, сама ночь Африканского Рога исторгает их из своей утробы бесконечным потоком. Каждая убитая тень освобождала место для двух новых, заходящих со стороны солнца. Они падали с деревьев, выскакивали из болотной жижи, материализовались из дыма горящего каучука.

И тогда природа нанесла второй удар.

Земля под ногами внезапно стала мягкой, как воск разогретой свечи. Раздался низкий, нарастающий гул, переходящий в инфразвук, от которого заныли зубы и завибрировали кости черепа. Корни великого баобаба, удерживающие берег древнего русла, начали лопаться один за другим с громкими хлопками, похожими на выстрелы баллист. Дерево высотой с десятиэтажный дом начало медленно крениться, выворачивая из земли комья почвы размером с римскую колесницу.

Шагоход «Титан-Претор», служивший им укрытием и точкой сбора, медленно качнулся. Огромная туша танка начала оседать, погружаясь в ил. Миллионы тонн влажной земли, переплетенной с исполинскими корнями, отрывались от материкового пласта, начиная свое путешествие к центру планеты.

— Оползень! — крик Сталкера (легат каким-то чудом удерживал левый фланг колонны) прогремел из-за спин сражающихся, усиленный динамиками его экзоскелета. — Всем на склон! Бросайте железо! Бегом, слизни!

Было поздно. Берег рухнул.

Огромный пласт черно-зеленой массы соскользнул в воду, увлекая за собой остатки техники, телеги с боеприпасами и около сотни легионеров, которые не успели отступить. Вода в заводи вскипела, превращаясь в кровавую кашу под давлением тысяч тонн ила и перемалываемых человеческих тел. Воздух заполнился криками, бульканьем и звуком дробящихся костей, перекрываемым ревом гигантского зверя, угодившего в ловушку — это кричал сам танк, когда многотонная масса земли сдавила его торсионные валы.

Каре развалилось окончательно. Солдаты покатились по крутому склону вниз, в объятия крокодилов и мутной смерти. Дисциплина умерла. Остался только инстинкт самосохранения. Брат убивал брата, пытаясь использовать его как ступеньку, чтобы выбраться из засасывающей воронки.

Александр кубарем скатился вслед за ними, сгруппировавшись вокруг тяжелого контейнера с кодами орбитальной связи, пристегнутого к запястью титановой цепью. Он врезался в теплую, зловонную жижу, подняв столб брызг, воняющих сероводородом и метаном. Тяжелая ткань моментально потянула ко дно, заливая рот через шейные уплотнения. Вода была густой, жирной, она сопротивлялась каждому движению, словно хотела растворить его заживо.

Рядом барахталась Октавия. Вода залила ей рот и нос, но императрица не издавала ни звука, молча и страшно борясь за жизнь, используя обломок весла как рычаг, чтобы сбросить прицепившегося к ноге молодого легионера, который тянул ее за собой на дно. Лицо парня было белым от ужаса; он понимал, что тонет, и искал любую опору, готовый утянуть за собой в бездну саму Богиню Рима.

Александр рванулся вперед, разбрасывая ил руками. Его пальцы сомкнулись на запястье жены в тот самый момент, когда мощный гидравлический удар вытолкнул её тело из воронки. Поток воды понес их обоих вверх, подбрасывая к краю оползня, как пробки из разбитой амфоры с вином.

Их выбросило на твердую землю посреди рушащейся галереи. Ливень, начавшийся одновременно с оползнем, обрушился на них стеной. Молнии били каждые несколько секунд, превращая ночь в череду черно-белых кадров апокалипсиса. Александр лежал на спине, придавив Октавию своим телом к разбитому мозаичному полу. Он судорожно шарил руками по ее лицу, сдирая маску липкого ила и зеленой тины.

— Дыши! Очнись, чертова машина!

Октавия закашлялась. Черная вода хлынула у нее изо рта и носа. Она открыла глаза. В отблесках молний ее зрачки расширились, заполнив почти всю радужку. Она вцепилась пальцами в его плечи с нечеловеческой силой, ногти впились сквозь мокрую ткань туники в кожу.

— Архивы... — прохрипела она. — Коды... Держи...

Ее свободная рука разжалась. В ладонь Александра упал маленький титановый ключ-кристалл — носитель доступа к системе «Божественный Гром». Холодный металл обжег кожу даже сквозь слой грязи.

Тяжелая тень упала на них сверху. Сталкер выполз из колодца последним. Его белый хитон превратился в черный саван из грязи и запекшейся крови. Левая наплечная бронепластина экзоскелета висела на одном поршне, обнажая сложную бионическую начинку, мигающую красными диодами ошибки. Но в руках он держал кожаный тубус с печатями Сената, прижимая его к груди так, словно там хранилось золото Трои.

— Госпожа цела? — спросил легат, тяжело втягивая воздух фильтрами. Индикаторы на его скулах горели тревожным багровым светом — система охлаждения работала на пределе, пытаясь компенсировать перегрев двигателей после падения в ил.

— Относительно, — выдавила Октавия, пытаясь сесть. Александр помог ей подняться. Ее платье пропиталось водой и грязью, став неподъемным, превратившись в холодный компресс, высасывающий тепло из тела. — Что с гравитационной стабилизацией башни?

— Фундамент держит, — доложил Сталкер. Его голос вокодера странно успокаивал среди этого ада. — За счет веса западного крыла, которое ушло под воду целиком. Мы уравновесили лагерь трупами четвертого класса и затопленными артиллерийскими погребями. Эффективно. Но следующий порыв ветра сорвет крышу. Если она вообще останется на месте после такого давления.

— Значит, крыши у нас больше нет, — констатировала Октавия. Она огляделась. Укрепленный лагерь Красса-Феликса перестал существовать. Восточная стена рухнула в океан, обнажив роскошные спальни штаба. Белые мраморные колонны стояли, расщепленные ударами молний, похожие на гнилые зубы в пасти мертвеца. Ветер носил в воздухе перья из вспоротых подушек, куски золоченой лепнины и листы папируса, которые мгновенно размокали и превращались в серую кашу.

Прямо перед ними, на месте искусственного водопада, спроектированного лучшими инженерами Рима, зияла пропасть шириной в сто шагов. Из бездны доносился рев сталкивающихся течений залива и реки, пожирающих друг друга в первозданном хаосе.

— Собрать штаб на верхней площадке восточной башни, — приказала Октавия. Вода стекала с ее лица, но косметика каким-то чудом оставалась на месте, делая ее похожей на раскрашенную статую богини Кали после человеческого жертвоприношения. — Всех, кто выжил. Передайте по цепи голосом: Империя потеряла грузы, но сохранила управление. Тайфун — это дар богов. Он очистил побережье от трущоб лучше любых крематориев. Теперь нам не нужно платить компенсаций владельцам лачуг. Земля пуста и готова к застройке. Стоимость квадратного фута недвижимости в провинции выросла на сорок процентов только благодаря этому дождю.

Она перевела взгляд на Александра. В зеленых вспышках молний ее лицо выглядело хищным и прекрасным. Синяк на виске теперь казался нарисованным специально — печатью истинной власти.

— Как ты себя чувствуешь, дорогой?

Александр стер кровь с подбородка. Он чувствовал вкус соли, дерьма, озона и собственной смерти. Ребра горели огнем при каждом вдохе, отзываясь острой вспышкой при малейшем

движении рук. Но голова впервые за долгое время была ясной. Стерильной. Вся шелуха императорских регалий, золота и пурпура смылась потоками африканской грязи, оставив только суть — выжившего примата, намертво вцепившегося в власть.

— Я чувствую себя бетоном, — ответил он. — Тем самым, который мы сегодня утром залили поверх костей царя Пора. Твердею. И если этот шторм не разорвет меня на части, завтра я буду тверже гранита.

Октавия одобрительно сжала его локоть. Ее ногти впились в сталь его наруча, оставляя глубокие вмятины.

— Хороший мальчик. А теперь иди за мной. Нужно встретить делегацию нумидийских старейшин. Они наверняка решили, что наши боги отвернулись, и попытаются ударить в спину, пока мы считаем убытки. Покажи им, что Солнце Рима может светить даже из-под земли. И пусть кто-нибудь принесет мне сухую одежду. Я похожа на утопленницу, а утопленница не может подписывать указы о введении военного положения. Мои пальцы распухли, я не попаду по клавишам шифратора.

Она шагнула в сторону лестницы, ведущей на вершину разрушенной башни. Ветер рвал ее мокрый пеплос, открывая взгляду длинные, стройные ноги, покрытые синяками и ссадинами, но все такие же безупречные в своей механической целеустремленности.

Александр последовал за ней. Позади, хромая, но неумолимый, как паровой каток, двигался Сталкер. Над их головами расходились тяжелые свинцовые тучи, и в разрывах на мгновение показывалось ночное небо, равнодушное к судьбе маленького племени людей, решивших покорить континент.

Там, высоко над эпицентром бури, невидимые отсюда, проходили геостационарные орбитальные платформы Рима. И где-то в холодном вакууме космоса, надежно закрепленные в пусковых шахтах, ждали своего часа снаряды класса «Гнев Юпитера». Код активации теперь грелся в ладони Императора, сливаясь с теплом его собственной крови.

Тайфун стихнет через три дня. Когда он уйдет, Бенгальский залив станет идеально чистым зеркалом. Местные рыбаки будут бояться выходить в море еще месяц, рассказывая детям истории о том, как Великий Белый Огонь спустился с небес, чтобы наказать дерзких. А потом они увидят первые каменные блоки новых волноломов, которые начнут спускать на воду инженеры Четвертого легиона.

Рим потерял корабли. Но он получил идеальную строительную площадку, бесплатную рабочую силу из числа выживших нумидийцев, согнанных страхом в рабочие бригады, и страх, цементирующий почву лучше любой извести.

Империя восстала из пепла. Буквально.

Глава 42. Синдром бога

Сухое русло Итер Парадоксум дышало жаром преисподней.

Воздух здесь не двигался — он стоял плотной, дрожащей стеной, обжигая слизистые при каждом вдохе. После липкой, гнилой влажности дельты Нумидийского Нила и ледяных игл

гиперборейских штормов эта сухость казалась физическим ударом. Александр Октавиан снял тактический визор шлема на три секунды, чтобы протереть глаза тыльной стороной ладони, и тут же пожалел об этом. Белизна дна древнего океана ударила по сетчатке с силой плазменного резака. Гипсовый налет, покрывавший базальтовую корку русла, отражал сто процентов ультрафиолета.

— Вниз смотреть только через фильтры категории «Омега», — хрипло бросил Император в общий канал связи. — Кто ослепнет до полудня — пойдет пешком перед головной Калигулой. Пыль от ваших шагов будет моей системой кондиционирования.

Третий Железный легион растянулся по краю каньона идеальной стальной змеей. От бывшего великолепия пяти тысяч ветеранов осталось девятьсот сорок два человека, но сейчас они выглядели не как беглецы, а как делегация богов, спустившихся в недра земли. Их броня цвета запекшейся крови поглощала солнечный свет, не давая ни единого блика. Поверх лорики сегментаты пятого поколения у каждого легионера была натянута экзо-ткань системы «Термостат». Внутри костюмов циркулировал жидкий азот, поддерживая температуру тела ровно на отметке тридцать шесть и шесть. Там, где песок пустыни спекался в стекло под лучами африканского солнца, римляне чувствовали легкий, почти освежающий холодок ранней весны.

Александр шел во главе колонны без шлема. Его лицо, покрытое коркой соли и въевшейся грязью дельты, казалось высеченным из того же темного камня, что и стены каньона. Левый рукав туники был закатан выше локтя, обнажая титановую арматуру предплечья — память о штурме Карфагена десятилетней давности. Рядом шла Октавия. Лихорадка отступила час назад после инъекции армейского нейроблока прямо в сонную артерию. Сейчас ее зрачки были сужены в две хищные точки, сканирующие горизонт. На ней не было брони — лишь строгий лабораторный комбинезон инженера-ядерщика, надетый поверх влажной льняной туники. Золотой венец-диадема лежал в нагрудном кармане Александра, завернутый в промасленный шелк.

— Глубина залегания пустот? — спросила она, не поворачивая головы. Ее голос звучал механически ровно благодаря восстановленным связкам.

— От двух до семнадцати метров, — ответил идущий слева Сталкер. Легат сбросил поврежденный наплечник, оставшись в одном торсе экзоскелета. Из его спины, тихо жужжа турбинами, выдвигались и втягивались обратно ребристые стволы атмосферных конденсаторов. — Плотность коры падает каждые четыреста шагов. Мы идем по крышке гигантской термосифонной ловушки. Если местный магматический плюм решит кашлянуть, мы провалимся в него быстрее, чем успеем моргнуть.

— Значит, прибавим шаг, — констатировала Октавия. — Перевести Калигулы в режим распределения веса. Давление на квадратный дюйм снизить до минимума. Я не хочу будить подземный огонь раньше времени.

Тяжелые боевые платформы поддержки класса «Калигула-5» синхронно изменили походку. Вместо тяжелого перестука гидравлики раздалось низкое шипение магнитных подвесок. Машины весом в двадцать тонн теперь едва касались земли, распределяя массу по широкой дуге опорных лап. Песок под их ступнями даже не приминался.

Колонна вышла на широкую террасу, изгибающуюся вдоль внутренней стенки каньона. Здесь ветер тысячелетиями вытачивал в гипсе барельефы погибших чудовищ. Справа уходила

вниз отвесная стена высотой в двести человеческих ростов. Слева начиналась бездна самого русла — километровой ширины шрам, заполненный тенями и маревом.

Именно там, внизу, воздух начал сгущаться иначе.

— Тепловая аномалия, — доложил ИИ «Минерва», чей синтезированный женский голос транслировался напрямую в импланты височных долей офицеров. — Двенадцать сигнатур. Источник тепла локализован вне видимого спектра. Скорость сближения девяносто четыре километра в час. Направление — норд-норд-вест, угол атаки минус пятнадцать градусов относительно горизонта.

— Берберские парусники, — выдохнул Сталкер, активируя внешние динамики своего экзоскелета. Его голос прогремел над колонной, перекрывая гул ветра. — Они используют термики над руслом. Идут галсами. Хотят зайти со стороны слепящего солнца.

Александр поднял руку в латной перчатке. Приказ не требовал слов. Девятьсот сорок пар сапог остановились одновременно. Звук получился пугающе сухим — короткий хруст гипсовой крошки, оборвавшийся так же внезапно, как и начался. Наступила тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием людей и ровным гулом реакторов Калигул.

Император медленно опустился на одно колено, вбив край сабатона в трещину базальта для упора. Он положил ствол импульсного карабина «Гладиус-Марк IV» на стиб левой руки. Оружие весило восемнадцать килограммов, но сервоприводы его собственной брони приняли на себя инерцию.

Легионеры действовали как единый организм. Не прозвучало ни команды «К бою», ни лязга извлекаемых мечей. Солдаты просто опустили на правое колено, воткнув в землю короткие трехногие сошники, выдвинутые из-под стволов карабинов. Массивная коробка щитов первой линии развернулась веером, закрывая фронтальную проекцию отряда. Композитная керамика щитов пошла радужными разводами — включилось активное камуфляжное покрытие, сливающее строй с раскаленной текстурой скал.

— Минерва, спектр-анализ парусов, — приказал Александр, глядя в оптический прицел. Мир сузился до перекрестья дальномера. Цифры побежали по периферии зрения: расстояние тысяча двести метров... один сто пятьдесят... один сто...

— Углеволокно, пропитанное китовым жиром. Коэффициент сопротивления ветру идеален. Но инфракрасный след выдают крепежные балки. Древесина секвойи. Температура нагрева поверхности семьдесят градусов.

— Слишком тяжелые для маневра на восходящем потоке, — пробормотала Октавия. Она стояла за спиной мужа, держа в руках планшет-планировщик. Ее пальцы порхали над сенсорной панелью, рассылая микрокоманды дронам разведки. — Они рассчитывают на таранный удар массой. Глупо.

— Традиционно, — поправил ее Александр. — Нажать спуск на счете «три».

Берберы появились из-за края скалы бесшумно. Это были не корабли в земном понимании. Скорее, это были гигантские костяные стрекозы, распахнувшие черные крылья. Корпуса, выдолбленные из цельных стволов секвой, захваченных пиратами в северных лесах, лоснились от жира. Латинские косые паруса из синтетического волокна поймали мощный поток воздуха, поднимающийся от дна русла. Суда скользили в метре над землей, оставляя за собой хвосты тонкой белой пыли. На мачтах развевались флаги из человеческой кожи.

Они шли клином. Флагман — огромная двенадцатиметровая яхта, украшенная черепами имперских чиновников — находился в центре. На носу корабля, вцепившись пальцами босых ног в позолоченную скобу, стоял капитан. Человек в серебряной ритуальной маске, закрывающей все лицо, кроме рта. В его руках был массивный тесак-симитар, лезвие которого волнообразно изгибалось, напоминая застывший язык пламени.

Расстояние сократилось до восьмисот метров. Для луков кочевников — дистанция смертельного выстрела. Для гладиев — уже дистанция прыжка. Капитан флагмана издал гортанный крик, приказывая абордажным командам готовить крючья.

Александр мягко утопил спусковую скобу.

Он не услышал звука выстрела — компенсаторы «Гладиуса» поглотили отдачу полностью. Просто в воздухе между ним и берберами возникла ярко-лиловая нить толщиной с волос. Карабин работал в режиме непрерывного фазового деструктора. Энергия снималась напрямую с микро-реактора, впаянного в приклад. Лиловая нить прошла левый парус головного судна. Ткань не загорелась — молекулярные связи углеродного волокна просто перестали существовать. Полотно беззвучно осыпалось серым пеплом прямо в полете.

Яхта потеряла левую тягу. Огромный корабль мгновенно накренился. Центровка нарушилась, и законы аэродинамики взяли свое. Нос флагмана клюнул вниз. Судно врезалось в гипсовый склон каньона на скорости восемьдесят километров в час. Раздался звук, похожий на взрыв вакуумной бомбы — это лопнули переборки из вековой древесины. Корпус разорвало пополам, выбросив в воздух фонтан щепок, костей и разорванных человеческих тел. Обломки рухнули на дно русла, подняв облако белого пара — испарившуюся влагу из глубоких трещин.

Но Империя стреляла не из одного ствола.

Девятьсот карабиров разрядились синхронно. Небо над руслом прочертили тысячи лиловых нитей. Это не было беспорядочной пальбой. «Минерва» захватила цели еще до появления врага, распределив сектора обстрела. Каждый заряд фазового деструктора находил точку критического напряжения в конструкции парусника. Мачты срезало под корень. Канаты перерубало. Сами корпуса прошивало насквозь, выбивая с противоположного борта фонтаны кипящей крови и обломков.

Это была бойня конвейерного типа. Римляне методично уничтожали воздушный флот берберов, тратя на каждое судно не более полутора секунд. Воздух наполнился запахом озона и жженного сахара — именно так пах горящий человеческий жир в температурном поле деструктора.

Капитан в серебряной маске оказался единственным, кто выжил в первые десять секунд столкновения. Его реакция дикаря, помноженная на звериную интуицию, спасла ему жизнь. Увидев, как небо вспыхнуло смертью, он понял главное правило боя против Рима: если враг стоит на месте — ты проиграл.

Он совершил невозможное.

Оттолкнувшись от остатков собственного носа, капитан прыгнул вверх и в сторону, используя обломок мачты как трамплин. Он оттолкнулся ногами от летящего мимо куска палубы, сделал сальто в воздухе и приземлился точно на верхний гребень каньона, в десяти метрах от левого фланга римского строя.

Его ноги, обутые в мягкие кожаные поршни, вошли в рыхлый гипс по щиколотку, погасив инерцию падения. Он выпрямился одним текучим движением. Серебряная маска отразила солнце, превратившись в слепящий диск.

Абордаж начался.

Капитан не бросился на строй. Он знал, что каре раздавит его. Вместо этого он упал на четвереньки и буквально *потек* вдоль линии щитов. Его тело извивалось с нечеловеческой гибкостью, используя малейшие неровности рельефа. Целью была не пехота. Целью был центр — фигура Императора, стоявшая чуть впереди общего строя.

Октавия среагировала первой. Она не стала стрелять. Выстрел из «Вулкана» или брошенная граната зацепили бы своих. Она сделала шаг вперед, выходя из-за спины мужа, и раскрыла ладонь.

На ее запястье тускло блеснул медный браслет управления инженерными дронами. Один из шарообразных разведчиков, висевших над колонной, получил мысленный приказ.

Дрон спикировал вниз, меняя полярность винтов. Обычно он всасывал воздух для анализа частиц, теперь он начал яростно вращать лопастями в обратную сторону. Миниатюрный реактивный двигатель выплюнул струю сжатого песка.

Песчаная картечь ударила капитана в бок. Человека швырнуло на метр в сторону, впечатав в выступ скалы. Серебряная маска треснула, левая половина лица превратилась в кровавое месиво. Но вождь берберов не закричал. Он оттолкнулся от стены здоровым плечом и снова ринулся вперед, сокращая дистанцию.

— Пропустите его сквозь периметр, — спокойно сказал Александр.

Шеренга легионеров на левом фланге разомкнулась. Два солдата сделали шаг назад и в стороны, открывая узкий коридор. Третий, стоявший прямо на пути варвара, остался неподвижен. Он просто перевел свой щит в вертикальное положение, превращаясь в глухую стену.

Капитан налетел на эту стену, заноса симитар для удара сверху вниз. Он вложил в этот замах всю ярость племени, весь ужас проигранной воздушной битвы. Лезвие обрушилось на лицевую пластину легионера.

Раздался высокий, певучий звон. Сталь встретилась с активным силовым полем. Щиты Третьего Железного работали не на простой кинетике. Сетка мономолекулярных волокон внутри композита создавала переменное гравитационное смещение. Клинок симитара вошел в поле на пять сантиметров и завяз. Молекулы металла начали стремительно терять сцепление друг с другом под воздействием микровибраций поля. Симитар рассыпался рыжими хлопьями ржавчины прямо в руке бербера.

Легионер даже не повернул головы. Его свободная рука — усиленная гидравлическими мышцами брони — выстрелила вперед. Пальцы сомкнулись на шее капитана под самым основанием черепа. Хруст позвонков утонул в общем реве схватки.

Но смерть вождя не остановила атаку. Поняв, что дистанционный бой проигран окончательно, остатки берберов применили свою последнюю доктрину — безумие плоти. Те, кто выжил внизу, в русле, начали карабкаться по стенам каньона.

Их когти — металлические крючья, вшитые прямо в фаланги пальцев — со скрипом входили в твердую породу. Они лезли вверх пауками, игнорируя сорванные ногти и текущую кровь. Десятки черных фигур посыпались на римлян сверху, целясь крючьями в смотровые щели шлемов.

Строй пришел в движение. Это больше не было обороной. Это была работа мясников.

Александр шагнул вперед, выходя из-под защиты щитов. Его «Гладиус» переключился в импульсный режим. Император не стал целиться. Он перехватил карабин за раскаленный ствол и пошел сквозь сыплющихся сверху врагов, работая оружием как дубиной.

Первый бербер, свалившийся ему на плечи, получил удар прикладом в грудную клетку. Керамические пластины брони смягчили удар для владельца, но позвоночник нападающего превратился в порошок. Александр столкнул труп безразличным движением плеча и встретил второго прямым выпадом приклада в челюсть.

Здесь, в ближнем бою, технологии сталкивались с первобытной яростью. Броня делала солдат неуязвимыми для костяных ножей и обсидиановых топоров, которыми орудовали кочевники. Но масса давила числом. Берберы повисли на конечностях Императора гроздьями. Двадцать человек пытались опрокинуть машину войны, цепляясь за кабели питания и сочленения суставов.

— Сектор Б-4 перегружен! — прохрипел динамик ближайшего Калигулы. Платформа поддержки дернулась, пытаясь сбросить вцепившихся в нее троих фанатиков, вооруженных пучками гранат из вулканического стекла. Одному из них удалось разбить смотровую щель механика-водителя. Слепленная машина взревела турбинами, завертелась на месте, размазывая атакующих по броне, и с оглушительным треском проломила собственный борт, когда внутренние системы охлаждения пошли вразнос от перенапряжения.

Октавия вошла в ближний бой с холодной хирургической точностью. Она не использовала огнестрельное оружие — оно мешало обзору командира. В ее правой руке возник тяжелый полицейский шокер-электрод «Цикада». Она работала кистью, словно художник пером. Прибор издавал тихое, злобное гудение. Каждое касание электродом вызывало мгновенную смерть нервной системы противника. Люди падали вокруг нее, забившись в безболезненных конвульсиях, с пеной цвета старой меди на губах.

Она защищала радиальный узел связи, установленный на спине одной из Калигул. Потеря узла означала потерю синхронизации огня. Около десятка берберов прорвались к машине, размахивая серпами. Октавия шагнула им навстречу. Ее движения были скупыми и экономичными. Шокер вонзился под подбородок первому нападающему. Женщина вытащила прибор, позволив телу упасть ей под ноги, и без замаха ткнула второго в солнечное сплетение.

— Правый фланг проседает, — сообщила она в гарнитуру, даже не сбив дыхания. — Сталкер, твой выход.

Легат отреагировал мгновенно. До этого момента он оставался мобильной артиллерийской платформой, корректируя огонь с высоты. Теперь он отключил питание внешних приводов экзоскелета, переводя всю энергию реактора в центральный торс.

Сталкер прыгнул.

Он не использовал реактивные ранцы — они поднимали слишком много пыли. Он просто расслабил колени и позволил силе тяжести сделать работу, доверившись расчетам баллистического компьютера. Пятидесятикилограммовое тело в тяжелой броне пролетело по дуге тридцать метров, проламывая собой хрупкие ребра берберского строя.

Приземление вызвало локальное землетрясение. Базальт пола треснул расходящимися звездами. Тех, кого не убила кинетическая энергия удара, смело ударной волной. Сталкер встал посреди образовавшейся воронки, окруженный исковерканными телами. Его правый манипулятор трансформировался. Пальцы ушли в пазухи предплечья, обнажив широкое жерло роторного пулемета Гаусса. Магнитные ускорители загудели, набирая обороты.

— Контакт, — равнодушно произнес легат.

Ствол завращался. Очередь обедненного урана прошла по стене каньона наискось, снизу вверх. Это не было стрельбой по людям. Сталкер отсекал вражескую высоту. Тысячи тонн гипса и базальта потеряли опору. Стена начала оседать внутрь самой себя.

Огромный пласт породы рухнул вниз, погребая под собой всех берберов, пытавшихся подняться с нижнего уровня русла. Поднялось облако белой едкой пыли, мгновенно скрывшее вторую половину поля боя.

Когда пыль начала оседать, битва закончилась.

Тишина наступила звенящая, тяжелая. Только шелест осыпающегося праха да редкие щелчки остывающего металла нарушали ее. Дно каньона было устлано ковром из мертвых тел. Черные силуэты на белом гипсе выглядели как ошибки печати на листе пергамента.

Александр тяжело оперся на карабин. По его набедренной пластине стекала густая черная кровь — не его собственная. Система жизнеобеспечения «Термостата» вывела предупреждение: температура ядра превысила допустимую норму на полтора градуса из-за колоссального физического напряжения. Император чувствовал, как по вискам, вопреки охлаждающим системам, катится настоящий, соленый человеческий пот. Впервые за долгое время он почувствовал предел своей плоти.

— Потери? — спросил он, откашливаясь. Горло саднило от сухого воздуха.

— Восемнадцать легких, трое тяжелых, — отозвался дежурный медик, чьи механические пауки-санитары уже ползали среди раненых, вкалывая обезболивающее и сшивая края рваных ран лазерными зажимами. — Механик третьей Калигулы мертв. Водитель контужен. Платформа потеряна.

— Оставить как есть, — приказал Александр. — Заминировать реактор. Пусть станет их надгробием.

Октавия подошла к мужу, перешагивая через труп капитана в серебряной маске. Лицо Императрицы было чистым, если не считать тонкого слоя белой пыли. Ни одна капля крови не осквернила ее комбинезон.

— Эффективность поражения целей составила девяносто четыре процента, — сказала она, сверяясь с данными планшета. — Шесть процентов боеприпасов потрачено впустую из-за ricochetов от стенок каньона. Непозволительно высокий показатель для закрытого пространства.

— Мы потеряли элемент внезапности, — Александр отстегнул фиксаторы шлема и стянул его с головы. Волосы прилипли к мокрому лбу. — Теперь вся пустыня знает, что мы здесь. И что нас мало.

— Нас достаточно, — возразила Октавия. Она присела на корточки рядом с телом капитана берберов, небрежно поворошив носком ботинка осколки серебряной маски. — Они думали категориями дерева и ветра. Мы мыслим категориями термодинамики и структурного напряжения материалов. Следующий встречный пошлет парламентаров. Или сменит климатическую зону.

Сталкер подошел к ним, мерно ступая. Его экзоскелет дымился. Левая наплечная пластина отсутствовала, обнажив переплетение трубок с синей жидкостью охладителя. Одна из трубок была перебита, и вязкая субстанция медленно сочилась наружу, застывая на горячем металле причудливыми кристаллами.

— Русло нестабильно, — доложил легат, указывая манипулятором вниз. — Тот обвал, что я устроил, перераспределит давление на водоносный слой. Температура ила на дне растет. Плюс два градуса за последние пять минут. Если продолжим идти по центру — вскипятим сами себя.

— Значит, пойдем по краю, — решил Александр. — Где стена самая крутая. Наверх заберемся через старые водосбросы. Октавия, дай мне связь с орбитой.

Императрица молча кивнула. Она достала из герметичного подсумка на своем поясе плоскую пластину спутникового терминала. Устройство размером с ладонь было теплым на ощупь. Октавия положила его на плоский камень, ввела сложную последовательность кодов на скрытых сенсорах.

Экран мигнул изумрудным светом.

Над пустыней возникло голографическое окно. Картинка двоилась и плевалась статикой — песчаная буря, поднятая обвалом, мешала прохождению сигнала. Но изображение стабилизировалось.

Прямо перед ними, в бледном небе над Сахарой, висел черный ромб орбитальной крепости «Юпитер-Один». Расстояние в триста километров съела оптика терминала. Станция казалась близкой настолько, что можно было дотронуться рукой до ее антенных решеток.

— Говорит Первый Гражданин, — голос Александра изменился. Исчезла хрипота усталости, вернулась сталь абсолютной власти. — Код активации «Божественный Гром». Уровень

приоритета — Альфа-Прим. Мне нужен метеоразведчик геостационарного эшелона над сектором Африканус-Ноктис. Прямой канал передачи данных. Живо.

— Выполняю, Цезарь, — прошелестел бестелесный голос оператора станции. — Задержка сигнала четырнадцать миллисекунд. Вывожу данные.

Голографическое окно разделилось на десятки мелких экранов. Инфракрасные карты, спектральный анализ атмосферы, тепловые снимки земной коры.

Октавия быстро просмотрела потоки данных. Ее пальцы замерли на одном из окон.

— Вот, — сказала она, увеличивая картинку. — Три километра строго на юг. Термальная аномалия. Выход грунтовых вод. Температура воды плюс восемнадцать. Для этой широты — криогенный источник. Оазис скрыт под куполом испарений. Глубина колодца около пятидесяти метров. Дикари о нем не знают, иначе пастухи вытоптали бы всю траву вокруг.

Александр долго смотрел на пульсирующую зеленую точку на карте. Затем его взгляд переместился на восток. Там, далеко за горизонтом, куда вела высохшая река, тепловизоры показывали нечто иное. Гигантское скопление био-сигнатур.

— Что это? — спросил он, увеличивая масштаб. Зеленые пятна складывались в геометрически правильные фигуры. Город. Огромный город, построенный не из бетона, а из чего-то живого, пульсирующего.

— Спектральный анализ затруднен, — ответила Октавия. — Помехи дают хлорофилл и хитин в равных пропорциях. Но плотность населения... Алекс, там живет минимум миллион человек. В самом сердце Великой Засухи.

— Они живут за счет этого оазиса, — догадался Сталкер. — Вода фильтруется через корни их города. Мы нашли не просто воду. Мы нашли столицу Внутренних земель.

Александр выключил терминал движением ладони. Голограмма схлопнулась, оставив после себя запах озона.

— Привал отменяется, — сказал Император. Его голос вновь стал жестким и ясным. Усталость испарилась, смытая перспективой новой, настоящей угрозы. — Колонне выдвинуться к координатам источника. Режим передвижения — серый. Никаких демаскирующих факторов. Калигулы переходят на аккумуляторы. Мы должны подойти к воде раньше, чем местная фауна поймет, что баланс давления изменился.

— А когда поймёт? — уточнила Октавия, защелкивая крепления своего комбинезона.

— Тогда мы покажем им разницу между выживанием в грязи и Абсолютным Империализмом, — Александр надел шлем. Забрало с тихим шипением встало на место, отрезая его от внешнего мира. — Двинулись. Время пошло.

Колонна пришла в движение. Легионеры, минуту назад бывшие живыми людьми, истекающими потом и кровью, снова превратились в безупречные механизмы смерти. Белый гипс дна древнего моря принимал их следы, чтобы через мгновение развеять их горячим ветром. Над Сахарой разгорался полдень, но для Девятого вала Третьего Железного легиона вечная ночь войны только начиналась.

Глава 43. Штурм

Смерть Карфагена не имела цвета крови.

В старых свитках, которые Максим заставлял зубрить своих учеников в московской гимназии на окраине Бутово, падение великих городов всегда сопровождалось багрянцем. Стены Трои должны быть черными от копоти, а песок под стенами Иерихона — алым от хлынувшей из жил толпы. Но истинный конец эпохи, вершившийся сейчас на побережье Тунисского залива, был стерильно-белым.

Александр Октавиан стоял на краю рукотворного каньона, и ветер, дувший со стороны Средиземного моря, нес на его плащ из плотного имперского льна мелкую стеклянную пыль. Там, где еще сорок восемь часов назад лабиринтами узких улочек громоздился самый гордый город Ойкумены, зияла идеально ровная воронка. Ее диаметр составлял почти две тысячи шагов, а глубина у центрального островка суши достигала двухсот пятидесяти локтей.

Это была не яма. Это было отрицание пространства. Древние катапульты Гасдрубала вырывали бы куски камня, оставляя рваные края. Римская баллиста пробила бы брешь, сквозь которую могла бы прорваться конница. Даже тактические ядерные заряды Старой Земли оставили бы оплавленные кратеры с неровными краями спекшегося базальта.

Орбитальный удар класса «Божественный Гром» работал иначе. Кинетический стержень весом в пять тысяч тонн вошел в атмосферу над гаванью вертикально вниз. Он не взорвался. На скорости чуть ниже первой космической он просто перестал существовать как монолит, превратившись в чистую энергию столкновения. Свинцовые ядра пунийских береговых батарей испарились за микросекунды до того, как успели покинуть стволы. Мраморные колонны Бирсы, храма сурового Баал-Хаммона, превратились в пар вместе с жрецами, пытавшимися замолить грехи своего народа.

Остаточная температура в эпицентре удара составляла около трех тысяч градусов по шкале Цельсия. Камень не сгорел. Он прошел через все агрегатные состояния: твердый, жидкий, газообразный, плазменный. А теперь, спустя двое суток, остывал обратно, превращаясь в абсолютно гладкое, полупрозрачное обсидиановое стекло. Оно отражало небо так чисто, что казалось, будто боги вырезали кусок реальности ножницами, обнажив подкладку мироздания.

— Плотность остекленевшего слоя на северном склоне составляет четыре метра, — голос Октавии прозвучал в вокодере шлема Александра глухо, лишенный привычной человеческой теплоты. Она стояла двумя шагами левее, склонившись над портативным гравиметром. На ней не было ни тяжелого сенаторского пеплоса, ни парадной брони. Только белый инженерный комбинезон системы «Термостат», покрытый пятнами машинного масла и черной карфагенской пыли. Золотая диадема императрицы лежала в герметичном контейнере у ее ног — металл плавился при таких температурах, а сентиментальность плавилась быстрее стали.

— Прекрати считать камни, Цинциннат, — Александр сплюнул вязкую слюну. Вкус во рту был металлическим, словно он грыз медную проволоку. — Скажи мне то, чего нет в твоих таблицах. Мы сможем залить здесь бетон раньше, чем придут литейные платформы из Остии?

Октавия выпрямилась. Визор ее шлема отъехал вверх, обнажая лицо. Левую скулу пересекала свежая царапина — память о трясине Нумидийского Нила из прошлой главы, но глаза были ясными, холодными, цвета зимнего неба над Уралом.

— Ты смотришь на дно глазами землекопа, Алекс, — она ткнула пальцем в планшет. — Нам не нужен бетон. Бетон просядет. Вес первого секционного кольца дредноута типа «Республика» составит сто сорок тысяч тонн без учета вооружения. Если мы положим его на фундамент, нам придется ждать ползучести пород двести лет.

Она сделала паузу, давая ветру отбросить прядь грязных волос с ее лица.

— Поэтому штурм не будет. Будет пересадка органов. Мы вскрыли грудную клетку континента. Теперь нужно заменить гнилые легкие этого города на стальные мехи наших кузниц.

Александр перевел взгляд с жены вниз, в бездну. По спиральному серпантину, который они прорубили в западном склоне всего за двенадцать часов непрерывной работы магнитных лебедек, полз первый грузовой состав. Это не были повозки или даже гусеничные тягачи. По рельсам, висящим в полуметре над землей благодаря мощным электромагнитам, скользила платформа класса «Титан-Магнистор». На платформе, зафиксированные титановыми захватами, покоились три секции бронеплит. Каждая плита была размером с форум Траяна и толщиной в три человеческих роста. Они светились тусклым вишневым светом — их извлекли из криогенных складов Гипербореи слишком быстро, и термодинамика материи отказывалась смириться с африканским полуднем.

Рядом с составом, держась за броню вагона тонкими, обожженными дочерна руками, шел человек. Вернее, то, что осталось от человека. Его звали Ганнибал-семнадцатый. Не потомок великого полководца, а последний живой носитель родовой памяти старого Карфагена — смотритель подземных водоводов Кофона. Ему было около семидесяти, но древняя кожа обтягивала череп так туго, что казалась бумажной. Одежды на нем не было — ее сорвало взрывной волной, когда рухнул акведук Малки. Из всей собственности у старика осталась только бронзовая кирка да пустые глазницы.

Глаза ему выжгла не вспышка орбитального удара. Их выпила жажда. Когда римляне перекрыли верховья Баграда, чтобы высушить колодцы сопротивления, вода ушла и из нижних уровней. Старый слепец спустился сюда, ведомый слухом — единственным чувством, которое не обманешь стеклом и пылью. Он слышал гул Империи.

Старик остановился прямо перед ботинками Императора. Он не мог видеть пурпурной каймы на тунике, не мог видеть знаков отличия легата-триумфатора. Но он чувствовал запах власти — смесь озона, холодной смазки и чужого, сытого пота.

— Вы убили море, — проскрипел Ганнибал-семнадцатый. Голос его был сухим, как треск ломающегося папируса. — Рыба всплыла брюхом вверх еще вчера. Вода стала твердой и горячей. Мой дед говорил, что если убить море, Молох потребует первенцев. Где ваши первенцы, Белый Охотник? Я хочу отдать вам своего внука, чтобы он не задохнулся в ваших трубах.

Александр посмотрел на слепца сверху вниз. За последние полгода он убил больше людей, чем этот старик видел за всю жизнь. Он сжигал города прикосновением пальца к сенсорной панели. Но сейчас, стоя над этой стеклянной могилой, Император Рима почувствовал себя самозванцем.

Он присел на корточки, чтобы его голова оказалась на уровне головы старика. Позади синхронно, без лязга, сомкнулось кольцо преторианской охраны. Сталкер, чей экзоскелет

дымился после перенастройки гравитационных опор лагеря, остался стоять в пяти шагах, контролируя периметр.

— Твой внук уже мертв, старик, — тихо сказал Александр. — Как мертвы твои боги. Как мертв твой камень. Здесь больше нет места для первенцев. Здесь есть место только для чертежей.

— Тогда зачем ты пришел? — слепец повернул голову точно на звук, его ноздри затрепетали. — Чтобы править пылью?

— Я пришел строить док, — ответил Октавиан, поднимаясь. — Самый большой в мире. Длинной в тысячу двести метров. Сюда войдет корабль, способный закрыть своей тенью солнце над Британией. Мне не нужны твои дети, старик. Мне нужна твоя смерть. Отойди от путей, или мои машины размажут тебя по стеклу так тонко, что ты станешь частью моего фундамента. Это тоже форма бессмертия.

Ганнибал-семнадцатый не испугался. Он медленно опустился на колени посреди железной дороги. Коснулся ладонями теплого металла рельса.

— Стройте, — прошептал он. — Стройте свою железную рыбу. Пусть она утонет глубже, чем наш флот.

Он отполз в сторону, забившись в трещину между двумя глыбами застывшей лавы. Александр отвернулся от него. Жалость была непозволительной роскошью, которая весила больше, чем любая из бронеплит внизу.

Штурм начался ровно в полдень.

Но это был штурм тишины.

Римские легионы Третьего Железного стояли на гребне кратера идеальной шеренгой. Девятьсот сорок два ветерана. Те самые люди, что месили грязь дельты Нумидийского Нила, теряли кожу в соляных шахтах Гипербореи и дышали метаном в болотах Галлии. Сейчас они выглядели не как армия, а как делегация богов смерти на корпоративном собрании.

Их лорики сегментаты пятого поколения поглощали свет. Броня цвета запекшейся венозной крови не давала бликов. Поверх нее каждый солдат носил слой экзоткани «Термостат». Внутри костюмов циркулировал охлажденный аргон. Пока африканское солнце плавilo подошвы сапог тех немногих местных мародеров, кто рискнул подойти ближе, внутри римской брони поддерживалась комфортная температура ранней весны. Разница температур создавала оптическую иллюзию: солдаты казались миражами, более реальными, чем сам окружающий мир.

Они не опускали копий. У них не было пилумов. Оружием Третьего Железного в этой кампании были их собственные тела, интегрированные с системами управления тяжелой техникой.

По команде Октавии, продублированной коротким цифровым импульсом, строй пришел в движение. Легионеры начали спуск. Но они не шли пешком. Каждый активировал индивидуальные гравитационные компенсаторы. Солдаты не прыгнули — они *переступили* край пропасти. Для стороннего наблюдателя это выглядело как коллективное самоубийство. Люди шагнули в воздух над двухсотметровой бездной и плавно поплыли вниз, замедляя свое падение до скорости падающего листа.

Воздух наполнился низким, инфразвуковым гулом сервоприводов. Девятьсот сорок два человека приземлились на дно котлована одновременно. Земля не дрогнула. Благодаря компенсаторам импульс массы был погашен полностью. На белом гипсовом дне остались лишь идеальные круги примятой пыли — следы сабонов.

Сразу после этого началось вторжение геометрии.

Из-за спин легионеров вышли «Антей». Шагающие экскаваторы-архитекторы. Высота каждого составляла двадцать метров. Их корпуса, собранные на верфях Остии из переборок списанных авиаматов, были покрыты слоем радиопоглощающей керамики.

«Антей» не имел ковша. Вместо правой передней конечности у него располагался роторный бур диаметром десять метров. Вместо левой — излучатель фазового деструктора.

Первая машина шагнула вперед. Ее ступня-платформа опустилась на остатки мраморной мостовой Бычьего рынка. Послышался тихий, влажный хруст — это кости торговцев, не успевших эвакуироваться, обратились в труху под давлением в несколько сотен атмосфер.

Бур включился беззвучно. Вращающееся поле мономолекулярных алмазных нитей коснулось черного стекла. Стекло не сопротивлялось. Оно покорно испарялось. Бур погружался в тело материка, выбрасывая вверх струю перегретого газа и мельчайшей белой взвеси.

За первым «Антеем» пошел второй. Третий. Десятый.

Карфаген разрезали на сектора, как труп в анатомическом театре. Машины двигались по строго заданным векторам, которые Октавия транслировала им напрямую из своего планшета. Они не рыли хаотично. Они формировали пространство.

Там, где должен был находиться сухой док, «Антей» углублялись на тридцать метров, создавая идеальный параллелепипед. Там, где планировалось заложить жилой блок для десяти тысяч кораблей, они снимали лишь верхний слой почвы, добываясь до водоносных слоев.

Звук изменился. Низкий гул сменился пронзительным визгом. Фазовый деструктор резал пласты гранита, содержащие высокий процент кварца. Молекулярные связи кристаллической решетки распадались, и гранит истекал не лавой, а густой, пузырящейся пеной желтого цвета — расплавленным кремнеземом. Эта пена мгновенно застывала на воздухе, образуя причудливые сталактиты. Дно котлована начало напоминать внутренности исполинской ульевой ячейки.

Александр шел среди этого ада пешком. Его личный генератор щита работал на тридцати процентах мощности, отклоняя волны жара от реакторов «Антеев». Воздух вокруг дрожал, искажая перспективу. Император смотрел не на работу машин, а на тени, которые они отбрасывали.

Тени ложились на стены кратера. Раньше эти стены хранили историю трех Пунических войн — барельефы слонов Ганнибала, надписи наемников из Иберии, следы костров осады Сципиона Африканского. Теперь «Антей» методично срезали эти слои времени. История человечества соскабливалась со стен Африки, как старая краска. Под тысячетлетней резьбой открывался девственно чистый, первобытный известняк времен, когда Сахара еще была внутренним морем.

— Госпожа, сектор Дельта-четыре нестабилен, — голос оператора-инженера, молодого парня по имени Туллий, звучал в канале связи напряженно. — Обнаружена пустота. Древний цистерн. Если мы пройдем деструктором дальше, произойдет схлопывание и выброс магматических газов. Потеря одной машины. Рекомендация: обход по вектору одиннадцать.

Октавия ответила не сразу. Она подняла руку, и вся колонна «Антеев» замерла. Девятьсот сорок два легионера застыли, став неотличимыми от собственных статуй. Наступила абсолютная, звенящая тишина. Умолк даже рев турбин. Было слышно только, как оседает белая пыль и как тяжело, с присвистом, дышит старый слепец Ганнибал в своей трещине.

— Нет, — наконец сказала Октавия. — Режим глубокого бурения. Протокол «Аид».

— Но госпожа, регламент безопасности запрещает...

— Регламент безопасности написан для тех, кто боится потерять технику, центурион, — отрезала Императрица. Ее голос стал ледяным. — Мы потеряли мобильность в грязи ради того, чтобы получить эту точку. Если под нами полость — значит, там есть давление. Значит, там есть объем. Залейте туда полимеризующий гель из резервуаров третьего состава и провалите машину следом. Мне нужен армированный кессон естественного происхождения. Глубина заливки — полная. Выполнять.

Туллий не посмел возразить. Система приняла команду. Ближайший «Антей» изменил конфигурацию конечностей. Его бур втянулся в пазухи предплечья. Из суставов выдвинулись форсунки. Машина наклонилась над провалом и начала вбрасывать вниз густую синюю жидкость. Жидкость вступала в реакцию с остаточной влагой подземелья и начинала расширяться, издавая звук, похожий на чавканье гигантского рта.

Затем «Антей» сделал шаг вперед. Прямо в собственную заливку. Платформа погрузилась в синеющую массу. Гель схватился за секунды, намертво зажав титановую гидравлику. Реактор машины взвыл, пытаясь вырваться. Торсионные валы жалобно запели на предельных оборотах.

Корпус «Антея» начал деформироваться. Металл стонал, как живое существо. Кабина механика-водителя смялась гармошкой. Но машина продолжала давить, пока целиком не скрылась в толще полимера.

На поверхности осталась торчать только верхняя часть рубки управления. Из раздавленных систем охлаждения повалил густой желтый дым.

— Расчетная прочность опоры превышена на четыреста процентов, — доложила Октавия, сверяясь с данными. — Добро пожаловать домой, Титус. Передай своим детям, что их

отец теперь держит на плечах половину Африки. Следующую машину ведите вплотную к нему. Формируем южную стену дока.

Александр слушал этот диалог, глядя на торчащую из синей массы кабину. Внутри нее, прижатый к разбитому иллюминатору, сидел маленький силуэт водителя. Он не шевелился. Возможно, он был мертв от болевого шока, возможно — просто экономил кислород.

Император снял перчатку и приложил ладонь к нагруднику павшей машины. Через композит брони передавалась едва заметная вибрация — сердце «Антея» все еще билось, питая насосы, качающие воду для будущего дока.

— Хороший мальчик, — прошептал Александр. — Твердей. Завтра на тебе будут варить сталь.

К закату облик местности изменился необратимо.

Кратер перестал быть раной. Инженерный корпус Четвертого легиона возвел временные перекрытия. Над котлованом натянули сеть из углеродного волокна, удерживаемую аэростатами. Теперь это был цех под открытым небом.

Началась вторая фаза штурма — логистическая мясорубка.

Небо над Карфагеном почернело не от облаков. Оно исчезло под бесконечным потоком десантных капсул и грузовых модулей. Орбитальная крепость «Юпитер-Один» открыла свои шлюзы. Магнитные ускорители выстреливали контейнерами по низкой траектории.

Каждый контейнер входил в атмосферу с оглушительным ревом, от которого лопались оставшиеся в округе барабанные перепонки. Но падали они с ювелирной точностью. Автоматические посадочные маяки, установленные легионерами, ловили их силовыми подушками.

Первым прибыл модуль жизнеобеспечения. Из раскрывшегося чрева капсулы, подобно саранче, посыпались автономные строительные дроны серии «Муравей». Черные, паукообразные, размером с собаку. Их были тысячи. Они не нуждались в командах. Нейросеть «Минерва», управляющая стройкой, распределила их задачи за наносекунды.

Одни бросились расчищать завалы измельченного камня, перемалывая его в щебень своими мандибулами. Другие устремились к привезенным плитам. На боку каждой плиты стоял молекулярный клеймер. Дроны облепляли многотонный блок сплошным ковром, выделяли фермент, ослабляющий межмолекулярные связи кромки, и буквально *срастляли* блоки друг с другом. Швов не оставалось. Спустя час тысяча отдельных плит превращалась в единый монолит длиной в триста метров.

Александр наблюдал за этим процессом с временной деревянной вышки, возведенной на месте бывшего форума. Дерево скрипело под порывами ветра, пахло свежей сосной и смертью. Рядом, разложив на раскладном столе голопроектор, сидела Октавия.

Ее пальцы порхали над сенсорной панелью. Она дирижировала строительством симфонию чисел.

— Смещение оси кия на два миллиметра, — бросала она в коммуникатор. — Корректировка потока четырнадцать. Перекачайте азот из резервуара Си-восемь в систему натяжения западной фермы. Температура сварки падает, добавляйте магний в ванну. Кто-нибудь, заткните этого старика, он воет третий час подряд, датчики фиксируют акустические колебания, мешающие юстировке дальномеров.

Александр проследил за ее взглядом. Внизу, у подножия вышки, группа легионеров пыталась оттащить Ганнибала-семнадцатого от работающего генератора. Старик цеплялся за землю окровавленными пальцами и выл. Он выл не от боли. Он пел погребальную песнь своему городу, и ритм его песни странным образом совпадал с ритмом ударов гидравлических молотов.

Один из гвардейцев поднял ногу в тяжелом саботоне, намереваясь раздробить слепцу кисти рук.

— Оставьте его, — приказал Октавиан.

Легионер замер. Октавия удивленно приподняла бровь, не отрываясь от расчетов.

— Зачем он тебе? Он бесполезен. Он потребляет кислород и выделяет углекислый газ. Минус единица КПД.

— Он дает ритм, — ответил Александр. — Наши машины работают в ритме метронома. Метроном точен, но мертв. А он поет. Пусть поет. Прикажи перевести частоты подавления вибраций на гармонику его голоса. Если уж мы строим монстра, пусть он рождается под музыку.

Октавия на секунду замерла. Затем ее губы тронула едва заметная улыбка — хищная, опасная, делающая ее похожей на пантеру.

— Принято. Переводим генераторы поля на частоту семьдесят девять герц. Синхронизация с вокализацией объекта... завершена. Эффективность распределения нагрузки выросла на ноль целых три десятых процента. Спасибо за совет, дорогой.

Она вернулась к работе. Но Александр знал, что этот момент хрупкого взаимопонимания продлится недолго. До следующего сбоя логистики. До следующей цифры потерь.

Ночь принесла с собой искусственное солнце. Сотни сварочных аппаратов зажглись одновременно вдоль растущего позвоночника дока. Строительство велось круглосуточно. Сон считался производственной травмой. Легионерам вводили стимуляторы прямо в шейную артерию через автоматические инъекторы брони. Они перестали быть людьми. Они стали придатками машин, ходячими гаечными ключами с пульсирующей венами кожей.

Александр спустился вниз. Он сбросил тяжелый командный плащ. Жар от сварочных ванн опалил лицо. Воздух был настолько насыщен озоном и парами тяжелых металлов, что его можно было пить.

Он подошел к месту стыковки первой центральной опоры. Это было самое уязвимое место конструкции. Место, где вертикальное давление перерастало в горизонтальное напряжение.

Здесь работали смертники. Специальная манипула добровольцев, чьи импланты нервной системы были выжжены радиацией в Гиперборее. Они не чувствовали боли и не боялись высоты. Без страховки, босиком, балансируя на переплетении ферм шириной в ладонь, они вручную затягивали компенсирующие болты.

Один из них — совсем молодой парень, которому на вид было не больше двадцати, — сорвался. Он поскользнулся на масляном пятне, оставленном дроном, и полетел вниз, в сплетение конструкций.

Его падение длилось вечность. Он не кричал. Он пытался зацепиться. Его руки хватали воздух, затем — горячие трубы охладителей. Трубы лопнули. Парня окатило сжиженным азотом. Его одежда вспыхнула от соприкосновения с горячим металлом, а кожа моментально покрылась инеем.

Он упал прямо в зону первичной заливки бетона. Автоматика сработала мгновенно. Датчики объема обнаружили посторонний объект. Массивный поршень прессы пошел вниз, готовясь утрамбовать свежий слой графенобетона.

Александр рванулся вперед. Расстояние в пятьдесят метров он преодолел прыжком, задействовав сервоусилители брони, которые давно считал ненужными в условиях планетарной гравитации. Он врезался в пульт аварийной остановки прессы за долю секунды до того, как многотонная плита должна была опуститься.

Пульт рассыпался искрами. Плита замерла в сантиметрах над телом замороженного солдата.

Наступила тишина. Умолкли даже турбодрели. Девятьсот сорок два пары глаз смотрели на Императора. Впервые за много месяцев они видели в нем не небожителя, управляющего звездами, а командира, стоящего по колено в ядовитой жиже рядом с раздавленным товарищем.

Александр обернулся. Его лицо было залито потом, смешанным с технической смазкой. — Медиков сюда! — рявкнул он так, что зазвенели незакрепленные листы обшивки. — Живого! Марш!

Легионерам не нужно было повторять дважды. Двое бойцов из офицерского резерва, отключив свои тяжелые экзоскелеты, чтобы не раздавить раненого, скользнули вниз по фермам.

Когда парня (его имя оказалось Гай Валерий Лиг) вытащили, стало ясно, что медицина тут бессильна. Нижняя половина тела представляла собой мешанину из дробленых костей и пропитанного бетоном тряпья. Азот вызвал некроз тканей быстрее, чем боль успела дойти до мозга.

Октавия спустилась вслед за мужем. Она посмотрела на умирающего солдата, затем на мужа, тяжело привалившегося к стальной балке.

— Полевые госпитали забиты ожоговыми, — констатировала она сухо. — Ресурс антибиотических капсул исчерпан. Он умрет через сорок минут от внутреннего кровотечения. Или мы

можем сбросить его в форму для заливки восточного пирса прямо сейчас. Графенобетон даст дополнительную прочность на разрыв в секторе критического напряжения. Экономия рабочего времени составит шесть часов. Тебе нужно принять решение, Цезарь. Время идет.

Александр посмотрел на бледное, заострившееся лицо Гая Валерия. Мальчик был в сознании. Его глаза слезились от паров химикатов, но взгляд оставался ясным.

— Я... послужу... — прохрипел солдат, кашляя кровью пополам с пылью. — Приказывайте... император...

Александр долго смотрел на него. В этом мальчике не было страха. Была только чудовищная, доведенная до абсолюта уставная лояльность. Та самая, которой учили Максима в учебниках истории, прежде чем реальность доказала, что история — это кровавая грязь.

Император протянул руку и отстегнул с собственного пояса флягу с водой. Поднес ее к губам солдата. Тот сделал глоток.

— Ты хорошо служил, сынок, — сказал Александр. Голос его внезапно сел, лишившись металлических нот вокодера. — Примарх Первой когорты примет тебя лично. Закрой глаза.

Он нажал кнопку на браслете Октавии. Сигнал ушел на центральный терминал.

Система «Минерва» восприняла это как изменение параметров проекта. Восточный пирс скорректировал матрицу заливки.

Автоматический транспортер подъехал бесшумно. Манипулятор бережно, почти ласково, поднял тело Гая Валерия Лига. Положил его в центр огромной прямоугольной формы, заполненной серой, пузырящейся массой.

Графенобетон начал поступать сверху тяжелым дождем. Сначала скрылись ноги. Потом туловище. Лицо мальчика оставалось спокойным. Он смотрел на звезды, которые впервые за трое суток проглянули сквозь дыру в защитной сети аэроостатов.

Последние пузыри воздуха сорвались с его губ. Масса сомкнулась над ним.

Транспортеры пошли дальше. Гидравлика загудела, начиная процесс прессования.

— Прочность секции увеличится на двенадцать процентов, — произнесла Октавия, убирая планшет. — Отличный коэффициент. Запиши его в отчет строительной коллегии. Имя включить в список отличившихся. Посмертно.

Она развернулась и пошла обратно к вышке. Ее шаги были ровными. Спина прямой.

Александр остался стоять у пульта. Он смотрел на серый монолит, внутри которого навсегда застыло человеческое тело. Он думал о том, что сегодня построил не просто док. Сегодня он принес первую настоящую жертву новому божеству — Прогрессу. И этому божеству требовалось гораздо больше крови, чем старым идолам Карфагена.

Третий день шторма перешел в четвертую ночь. Понятия времени стерлись. Существовал только цикл смены бригад и показатели давления в гидросистемах.

Док рос. Он перестал быть набором металлоконструкций. Он превратился в самостоятельный ландшафт. Черные стены высотой в сорок метров смыкались над головой, образуя искусственный каньон. Внутри него царил вечный сумрак, прорезаемый лишь синими вспышками сварки и красным светом индукционных печей.

Именно в эту ночь пришла настоящая проверка.

Не природа. Природа была сломлена в прошлой главе. Проверку пришлось чинить человечество.

Со стороны холмов Бон настали звуки, которых здесь не слышали с момента падения метеорита. Звуки живых двигателей. Хриплые, задыхающиеся, работающие на синтетическом спирту.

Кочевники Внутренних земель. Тех самых берберов, чьи парусники Октавиан расстрелял из фазовых деструкторов над высохшим руслом. Они вернулись. Но пришли не воевать.

Их караван состоял из полусотни огромных платформ, собранных из остовов довоенных грузовиков. Скрипя суставами подвески, они остановились в километре от зоны отчуждения.

Из головной машины вышел вождь. В отличие от дикарей дельты, эти люди сохранили остатки технологий. На вожде был драный британский пехотный мундир поверх кожаных ремней. В руках он держал не копье, а увесистый свинцовый цилиндр — счетчик Гейгера, обмотанный проводами.

Охрана Октавии немедленно взяла его на прицел импульсных карабинов. Сталкер шагнул вперед, переводя свой ручной пулемет Гаусса в боевое положение. Турбины экзоскелера тихо засвистели.

— Стоять! — голос легата прогремел из внешних динамиков, заставив содрогнуться легкий сплав кочевничьих повозок. — Назад, пескоеды. Зона строительства является собственностью Сената и Народа Рима. Любой перешедший линию лазерных маркеров будет аннигилирован без предупреждения.

Вождь поднял обе руки, показывая пустые ладони. Он не понимал латыни, но интонацию угрозы распознавал прекрасно. Он сделал шаг вперед. Его ноги глубоко уходили в черный песок — наследие сожженного леса Карфагена.

— Вода, — крикнул он на ломаной латыни торговцев. Его горло было изъедено пылью. — Еда. Женщины. Взамен железо. Много железа. Красное железо вон там. — Он ткнул пальцем в сторону недостроенного кия дредноута, освещенного прожекторами. — Мы везли соль. Привезли дерево. Работаем. Вместе.

Октавия вышла из-под навеса вышки. Она сняла шлем. Ее волосы слиплись от грязи, лицо осунулось, под глазами залегли глубокие тени, похожие на синяки от долгого пребывания в гробу. Но именно этот вид — вид существа, переступившего порог человеческого истощения, — произвел на кочевника большее впечатление, чем ряды легионеров.

Она подошла к границе лазерного периметра. Лучи очерчивали ее фигуру призрачным контуром.

— Ты хочешь работать на Рим? — спросила она. Ее голос был лишен эмоций, но вожак инстинктивно сглотнул.

— Хотим жить, Белая Мать, — прохрипел кочевник. — Ваши машины едят нашу пустыню. Пыль забивает наши фильтры. Наши дети кашляют кровью. Дай нам маски. Дай нам воду. Мы будем носить ваш камень.

Октавия молчала почти минуту. Она смотрела на оборванных, больных людей, на их жалкие повозки, на ржавчину, покрывающую их примитивные механизмы. Логистика подсказывала ей ответ. Использование местного ресурса снижало нагрузку на орбиту. Кочевники дешевы. Кочевники многочисленны. Кочевники заменяемы.

— Ты понимаешь, что такое военный трибунал пустыни? — наконец спросила она.

— Да, — кивнул вождь. — Копать яму. Падать внутрь. Засыпают песком.

— Почти, — уголки губ Октавии дернулись вверх. — Вас будут засыпать не песком. Вас растворят в щелочи очистных сооружений, если вы украдете хотя бы грамм меди. Ваша племенная структура аннулируется. Ваших детей заберут в фильтрационные лагеря в возрасте семи лет. Тех, кто пройдет генетический контроль, отправят в школы механиков в Остии. Остальных переработают на протеиновый концентрат для киберпсов. Вы перестанете быть племенем. Вы станете ресурсом. Согласен?

Вождь смотрел на нее снизу вверх. Он видел перед собой не женщину. Он видел воплощение той самой неумолимой силы, что сожгла его богов и высушила его реки. И он понял главное правило новой эпохи: либо ты становишься шестеренкой, либо тебя перетирают в пыль.

— Согласен, Белая Мать, — выдохнул он и упал на колени, касаясь лбом земли. Вслед за ним на колени упала вся его свита.

Октавия обернулась к Сталкеру.

— Открыть ворота. Провести дезинфекцию. Всех взрослых — на сортировку породы. Детей младше семи — изолировать в санитарном блоке до прибытия медиков. Установить динамики. Транслировать Устав Строительной Службы на частотах их племени непрерывно. Громкость максимальная. Пусть запоминают присягу империи во сне.

Сталкер отдал честь, и манипуляторы его экзоскелета сложились в жесте принятия приказа. Ворота ангара дрогнули и начали разъезжаться.

Александр наблюдал за этой сценой, стоя в тени подъемного крана. Он подошел к жене сзади. Его присутствие ощущалось физически — как тяжесть грозовой тучи.

— Ты только что уничтожила последнюю свободную культуру Африки, — негромко сказал он.

— Я сэкономила бюджету провинции восемнадцать миллионов сестерциев на логистике и получила сорок тысяч рабочих рук, которые не требуют выплаты жалования золотом, — ответила Октавия, не поворачиваясь. Она смотрела, как кочевников пропускают через рамку дезинтеграторов, сжигая с их кожи паразитов. — Кроме того, их шаманы утверждали, что духи предков живут в камне. Теперь их дети увидят, как духи этих камней становятся корпусом корабля. Я не уничтожила их культуру, Алекс. Я дала ей апгрейд.

Она наконец повернулась к нему. В свете ртутных ламп ее лицо казалось высеченным из алебаstra.

— Что случилось с тобой в том болоте, мой милый? — тихо спросила она. — Почему ты вдруг стал смотреть на рабов, как на людей? Помнишь Сирмий? Помнишь восстание иллирийцев? Ты приказал залить их пещеры фосгеном. Тридцать тысяч душ. Ты не спрашивал тогда, хотят ли они стать удобрением для виноградников Паннонии.

Александр отвел взгляд. Он смотрел на бескрайнюю палубу растущего дока. Там, в перекрестьях лучей, сотни бывших врагов и вчерашних граждан Рима толкали перед собой тележки с графеновой крошкой. Они двигались в едином ритме, задаваемом басовым гулом генераторов.

— В болоте я хотел выжить, — сказал Император. — А здесь я хочу победить. Победа требует чистоты материала, Цинциннат. Человеческая душа — плохой проводник для энергии такого масштаба. Эти люди... они шумят. Они боятся. Они думают о детях. Этот фоновый шум создает помехи в моих расчетах.

Он взял ее за подбородок, заставляя посмотреть себе в глаза. Его пальцы были жесткими, как стальные зажимы.

— Сделай так, чтобы они замолчали, дорогая. Окончательно. Док должен быть чист. Как тот обсидиан внизу. Идеально гладким. Идеально мертвым. Только тогда мы построим нечто достаточно великое, чтобы вместить наше безумие.

Октавия накрыла его руку своей. Ее ладонь была теплой.

— Как прикажешь, Первый Гражданин, — шепнула она.

Она высвободилась из его хватки и направилась к коммуникационному центру. Ей предстояло составить новый циркуляр для службы внутренней безопасности. Документ должен был регулировать нормы выработки для лиц с пониженным коэффициентом лояльности.

Александр остался один. Он снова посмотрел на киль дредноута. Корабль рос с пугающей скоростью. Еще месяц, и ребра жесткости сомкнутся над головой, запечатав их всех в стальном чреве.

Где-то в темноте, нарушая приказ трансляции Устава, снова запел чей-то голос. Высокий, дрожащий, полный древней тоски. Это был не кочевник. Это был голос, принадлежавший другому времени.

Голос Ганнибала-семнадцатого.

Слепой старик сидел у основания главного компрессора, прижавшись спиной к вибрирующей трубе. Он не мог знать слов современных гимнов. Он пел о чем-то своем, водя узловатыми пальцами по гладкой поверхности холодного металла.

Александр прислушался. Вибрации компрессора входили в резонанс с голосом старика. Казалось, сама сталь начинает подпевать мертвому городу.

Император усмехнулся. Кровь запеклась в уголках его губ.

— Пой, — прошептал он в темноту. — Пой, пока можешь. Железо любит слушать сказки перед тем, как начать убивать по-настоящему.

Он развернулся и зашагал к башне связи. Впереди ждал рассвет четвертого дня. Впереди ждали новые расчеты, новые потери и новая сталь. Штурм закончился.

Глава 44. Синтетическая симфония

Рассвет над Великой Засухой не приносил прохлады. Он лишь менял цвет раскаленного базальта с темно-фиолетового на ослепительно-белый, превращая дно высохшего океана в зеркало, способное выжечь сетчатку за три секунды прямого взгляда. Третий Железный легион замер на краю провала.

Внизу, под срезом известняковой плиты, дышала темнота. Это был не просто колодец термальных вод, обнаруженный вчера орбитальной станцией «Юпитер-Один». Спектральный анализ коры показал аномальную плотность пустот — гигантскую карстовую систему, уходящую вглубь материка на сотни метров. Для Октавии это означало бесплатную воду для испарительных заводов и идеальное естественное укрытие от радаров мятежных сатрапий. Для Александра — идеальный фундамент.

Проблема заключалась в том, что вход в этот фундамент преграждал Лабиринт.

Древние баобабы, росшие здесь миллионы лет назад, окаменели, сплелись корнями и рухнули внутрь пещеры при тектоническом сдвиге, создав плотную, хаотичную решетку из переплетенной древесины и спрессованного временем ила. Калигулы — двадцатитонные боевые платформы поддержки класса «Калигула-5» — стояли перед этим завалом, низко опустив свои бронированные торсы. Их магнитные подвески тихо гудели, компенсируя вес, но гусеницы даже не касались земли. Машины были слишком широкими, слишком тяжелыми. Любая попытка пробить проход плазменными резаками привела бы к выбросу горючих газов из трещин свода. Любой удар тараном вызвал бы резонанс, который превратил бы потолок в братскую могилу для всей экспедиции.

Александр Октавиан стоял на броне головной машины, игнорируя предупреждающий писк датчика ультрафиолета на запястье. Ветер трепал край его льняной туники, превратившейся из имперского пурпура в грязно-серый саван цвета африканской пыли. За последние полгода он забыл, каково это — носить доспехи постоянно. Его тело стало инструментом войны: сухим, жилистым, покрытым шрамами там, где броня экзоскелета когда-то впивалась в мясо во время шторма в дельте Нумидийского Нила.

— Пятнадцать процентов потери времени, Цезарь, — голос Октавии прозвучал у него в ухе через костный имплант связи. Она стояла внизу, у основания пандуса, окруженная проекциями голо-планшета. На ее лице, защищенном поляризованным визором, не было ни капли пота. Система «Термостат», вшитая в подкладку ее инженерного комбинезона, поддерживала температуру кожи ровно на тридцати шести и шести десятых градуса. — Инженерный корпус настаивает на применении заряда «Гелиос-Б». Они утверждают, что смогут выжечь коридор шириной в сорок метров без нарушения структурной целостности свода. Вероятность успеха — семьдесят четыре целых две десятых процента.

Александр перевел взгляд с черного зева пещеры на свою жену. Даже стоя в грязи на краю света, она выглядела как главный бухгалтер Апокалипсиса. Ее пальцы порхали над сенсорной панелью, перестраивая логистические цепочки снабжения водой, которой они еще не добыли.

— Отставить «Гелиос», — Александр коснулся своего горла, активируя внешний динамик шлема. Голос прогремел над колонной, усиленный инфразвуковыми гармониками, заставив ближайших легионеров рефлекторно выпрямить спины. — Выжечь дыру может любой идиот с зажигалкой. Мы пришли сюда строить вечность. Если мы начнем взрывать Африку каждый раз, когда корень дерева встает у нас на пути, континент треснет пополам до того, как мы заложим первый камень дока. Передайте инженерам: сегодня никто не нажмет на красную кнопку.

Октавия подняла голову. Визор ее шлема отъехал вверх с тихим пневматическим шипением. Левую скулу пересекала тонкая белая линия — старый шрам от нумидийской стрелы, кожа вокруг которого была чуть светлее остального лица благодаря регенеративным инъекциям.

— Альтернативный протокол? — спросила она. В ее голосе не было сомнения, только запрос данных.

— Биология, — ответил Император. — Муравьи.

Своды Лабиринта не были мертвыми. При ближайшем рассмотрении сквозь трещины в древесине проступала жизнь. Кочевые муравьи этого региона давно перестали быть насекомыми в земном понимании. Эволюция в условиях жесточайшей радиации и дефицита органики превратила их в биологический механизм. Размером с палец взрослого мужчины, их хитиновые панцири приобрели легкий металлический блеск. Но главной проблемой была изоляция кабелей.

Когда первая манипула преторианцев спустилась вниз по веревочным лестницам, закрепленным гравитационными якорями, сенсоры их брони начали выдавать тревожные алерты. Напряжение в силовых узлах падало. Не резко, а плавно, миллиметр за миллиметром, словно кто-то медленно вытягивал медь из жил.

Максимус Декстр, центурион первой когорты, сорвал со стены пучок сухой лианы, чтобы проверить толщину слоя пыли. Лиана рассыпалась в труху. Под ней обнажился гладкий, лоснящийся кабель силовой магистрали тяжелого тягача, который техники пытались протолкнуть через расщелину волоком. Кабель не блестел металлом. Он был покрыт толстым слоем черной, восковой массы. Масса шевелилась.

— Термиты грызут керамику, командир, — доложил декурион связи, стряхивая с плеча нечто, напоминающее сухую ветку. Насекомое щелкнуло жвалами и намертво вцепилось в наплечник его туники. — Изоляция плавится. Температура кабеля растет. Если дойдет до критической отметки, сработают предохранители тяговых узлов.

Муравьи не пытались прокусить титан или графен композита. Им нужна была синтетическая оболочка проводов. Высокотемпературный полимер, которым Рим изолировал свои силовые линии, выделял микроскопические дозы озона при трении о воздух. Для человеческого носа это был запах грозы. Для нервного узла муравья, чей метаболизм строился на окислении редких металлов, этот запах был эквивалентом чистого афродизиака и строительного раствора одновременно. Они сгрызали пластик, пережевывали его своими кислотными железами, сме-

шивая с собственными экскрементами, и замазывали этой пульпой щели в окаменевших корнях, создавая идеально ровные, армированные дороги.

Но проблема была глубже. Колония использовала оголенные участки кабелей как антенны. Живые провода проходили прямо сквозь центр муравейника. Когда Калигулы пытались подать импульс мощности, чтобы вырвать очередную глыбу камня, электричество стекало по хитиновым телам насекомых в землю. Рой работал как миллиарды параллельных заземлений, гася любую вспышку энергии Рима.

— Протокол «Тишина», — приказал Александр, спускаясь вслед за авангардом.

Он двигался пешком, оставив тягачи наверху. Поверх туники на нем не было ничего, кроме портупей с гладиусом. Тяжелый экзоскелет остался в лагере вместе с броней Октавии. Император хотел чувствовать вибрацию камня подошвами своих сапог.

— Всем подразделениям, — раздался в вокодерах бесстрастный синтезированный голос ИИ «Минерва». — Деактивировать активные сканеры. Отключить внешние динамики. Перевести системы жизнеобеспечения в режим минимального потребления. Мы слепы. Мы глухи. Мы работаем на костной проводимости.

Легион исчез. Девятьсот сорок два человека, закованные в лучшие технологии человечества, погасили свои фонари и индикаторы брони. В абсолютном мраке подземелья, прорезаемом лишь редкими лучами солнца, бьющими из проломов высоко наверху, наступила мертвая тишина. Единственное, что выдавало присутствие армии — это низкочастотный гул сервоприводов, которые продолжали поддерживать тонус мышц солдат, позволяя им стоять неподвижно часами без усталости.

Александр положил ладонь на ближайший окаменевший корень. По перчатке прошла мелкая, ритмичная дрожь. Это не было землетрясением. Это билось сердце колонии. Миллионы лапок синхронно касались грунта, передавая информацию от одного края пещеры к другому быстрее, чем радиоимпульс пробился бы сквозь залежи магнитного железа.

— Минерва, переключение на интерферометрию, — шепнул Александр в микрофон, едва разжимая губы. — Картографируй пустоты через грунт. Используй наши шаги как источник импульса.

ИИ принял команду. Калигулы на поверхности прекратили попытки штурма. Их реакторы перешли в фоновый режим. Вместо этого тяжелые платформы опустились на брюхо. Через плоские магнитные подушки в базальт пошел направленный сигнал — серия микровибраций частотой ниже десяти герц. Человек не способен услышать такой звук, но кости черепа воспринимают его как легкое давление изнутри.

Звук ушел в породу, отразился от границ твердых слоев, столкнулся с полостями и вернулся обратно. Процессорные ядра «Минервы» начали обрабатывать терабайты входящих данных.

На тактических столах офицеров, чьи импланты височных долей принимали прямой поток от ИИ, реальность изменилась. Темнота сменилась призрачной сине-зеленой паутиной. Пещера предстала не как полость в камне, а как сложный часовой механизм.

Лабиринт корней оказался лишь внешней опалубкой. Внутри, заполняя все свободное пространство, жила колония. Муравьи выстроили вертикальные шахты-соты, укрепленные их собственным секретом, твердеющим на воздухе крепче бетона. Но самое поразительное находилось в центре грота. Там, где корни сходились в огромный узел, рой возвел живую башню. Десятки миллионов особей сцепились конечностями, образуя идеальную сферу диаметром в пятьдесят метров. Внутри сферы пульсировало ядро — королева, оплетенная трубками из уплотненного хитина. А снаружи сфера была покрыта сплошным ковром из черных глянцевых спин.

— Вектор напряжения стабилен, — констатировала Октавия, глядя на свою проекцию. Она осталась наверху, управляя процессом дистанционно, но сейчас ее глаза видели то же самое, что и мозг Александра. — Они используют электростатику. Хитин накапливает заряд трения. Эта центральная башня работает как естественный конденсатор. Если мы убьем королеву обычным оружием, потенциал высвободится неконтролируемо. Произойдет ионная детонация. Волна сожжет нервную сеть каждого солдата в радиусе трех километров. Мы ослепнем окончательно.

— Значит, мы не будем ее убивать, — Александр прошел мимо застывших силуэтов преторианцев. Его шаги были единственным движением в этом мире теней. — Октавия, расчет частотного отклика. Нам нужно найти их системную ошибку.

Императрица вывела на свой планшет спектрограмму вибрации. Красные пики показывали частоту работы челюстей рабочих каст. Синие — передачу сигналов тревоги между патрульными. Зеленые — ритм кормления личинок.

— У них нет центральной нервной системы в вашем понимании, Алекс, — сказала она. — Это распределенный интеллект. Каждая особь — транзистор. Чтобы уничтожить систему, нам не нужен яд. Нам нужен белый шум. Или хирургический скальпель.

— Скальпель, — кивнул Александр. — Протокол «Скрипичный ключ».

«Минерва» изменила параметры излучения Калигул. Микровибрации стали сложнее. Теперь это была не просто синусоида, а каскад гармонических обертонов. Звук проник сквозь толщу камня и вошел в резонанс с хитиновыми сочленениями передних лап рабочих муравьев.

Первые несколько секунд ничего не происходило. Затем один из солдат, державших страховочный трос, заметил странное. Черная масса насекомых, покрывавшая стену тоннеля, начала редеть. Муравьи не разбегались в панике. Они остановились. Замерли на полушаге. Те, кто нес куски изоляции, разжали жвалы. Полимерные обрезки беззвучно посыпались на дно пещеры. Насекомые стояли абсолютно неподвижно, высоко задрав головы, раскрыв мандибулы. Вся колоссальная работа колонии замерла.

— Что ты сделала? — спросил Александр, наблюдая, как живой ковер начинает осыпаться пылью.

— Я дала им невыносимый зуд, — ответила Октавия. Ее губы тронула холодная улыбка. — Резонанс вызывает микротремор в мышцах замыкания жвал. Они физически не могут кусать. Одновременно частота подавляет выработку феромона следования. Каждый муравей теперь одинок. Они потеряли коллективный разум. Без сигнала от соседей их базовый инстинкт

требует прекратить активность и очистить рецепторы. Сейчас они будут заняты гигиеной ближайšie двадцать минут.

Это была самая чистая победа Империи. Никакого пламени, никакой крови. Просто перенастройка частоты. Биология столкнулась с математикой, и математика переписала исходный код жизни одним коротким пакетом данных.

Однако пещера оставалась непроходимой для тяжелой техники. Завал из окаменевших корней никуда не делся. И путь к воде лежал через затопленный нижний ярус грота.

Черное озеро занимало треть пола пещеры. Вода была термальной, насыщенной сероводородом и солями тяжелых металлов. Она казалась густой, как черное стекло, и отражала тусклый свет химических ламп так сильно, что резала глаза. Поверхность озера была неподвижна. Ни ряби, ни пузырей. Идеальный монолит.

— Глубина по центру достигает ста двенадцати метров, — доложила «Минерва». — Состав воды агрессивен. Титановая обшивка Калигул выдержит коррозию около семидесяти двух часов непрерывного погружения, прежде чем начнется деградация сварных швов. Рекомендую поиск брода.

Октавия посмотрела на тысячи муравьев, бессмысленно ползающих по стенам. Их коллективный разум был разрушен, но тела остались функциональными. Их природный воск продолжал отталкивать влагу. Их конечности обладали феноменальной прочностью на разрыв.

— Зачем искать брод, если можно построить мост? — произнесла она. — Минерва, восстанови частоту контроля. Но снизь амплитуду до порогового значения. Мне нужны исполнители, а не дезориентированная биомасса.

ИИ послушно сменил волну. Ослепленные звуком муравьи вздрогнули. Патрульные возобновили движение, но теперь их траектории подчинялись внешнему источнику.

Октавия ввела новую последовательность команд. Она не приказывала насекомым атаковать. Она транслировала им примитивный алгоритм строительства дамбы. Частота имитировала феромоны тревоги, указывающие на необходимость перекрытия водного потока.

Сначала это выглядело как хаос. Тысячи особей бросились к берегу. Но затем движения синхронизировались. Муравьи начали сбиваться в живые плоты. Они сцеплялись конечностями и мандибулами, сплетаясь в тугие, вибрирующие канаты. Природный клей, выделяемый их брюшками, мгновенно схватывался при контакте с водой.

Через десять минут от берега до ближайшего крупного островка из окаменевшей древесины пролегла черная, поблескивающая дорожка шириной в три метра. Она слегка пружинила под ногами первого легионера, ступившего на нее, но выдержала вес полностью снаряженного бойца.

— Впечатляющая эффективность, — констатировал Сталкер, подходя к Императору. Легат сбросил поврежденный наплечник еще в начале похода, и теперь его левая рука, состоящая из хромированной стали и синих трубок охладителя, влажно блестела в свете фонаря. — Использование местного ресурса снижает нагрузку на орбиту. Экономия на понтонах составляет сто процентов.

— Это не ресурс, Гней, — Александр смотрел, как второй ряд муравьев уже тянет новый мост дальше, реагируя на мысленные команды Октавии. — Это расходный материал. Прикажи химикам рассчитать состав репеллента. Как только мы перетащим технику, я хочу, чтобы эти мосты распались. Но сам рой должен выжить. Измени частоту трансляции на репродуктивную блокировку. Пусть живут, ползают и чинят нашу изоляцию, когда та начнет стареть. Симбиоз дешевле логистики.

Переправа заняла шесть часов. Калигулы спускались в грот по специально возведенным земляным аппарелям. Магнитные подвески позволяли машинам весом в двадцать тонн скользить над самым краем пропасти. Когда гусеница передней лапы оказывалась над живым мостом, платформа замедлялась. Мосты из насекомых проседали, амортизируя колоссальный вес, распределяя давление по всей площади соприкосновения. Машина проходила над ними, как по живому батуту, и муравьи тут же смыкались вновь, восстанавливая структуру.

Александр шел последним. Он стоял на берегу черного озера, наблюдая, как хвост колонны исчезает в противоположном тоннеле. Вода отступала. Муравьиные плотики работали настолько эффективно, что уровень озера упал почти на метр. Где-то глубоко внизу открывались новые дренажные каналы, промытые тысячелетиями.

Именно в этот момент «Минерва» прервала трансляцию маршевых расчетов.

— Обнаружена новая сигнатура, — голос ИИ впервые за долгое время приобрел эмоциональный окрас, классифицируемый как «настороженность». — Тепловая аномалия. Источник движется. Скорость сближения — восемьдесят километров в час. Направление — снизу.

Александр поднял голову. Потолок пещеры над центром озера начал едва заметно вибрировать. Мелкая пыль, веками копившаяся на сводах, сорвалась вниз серебристым дождем. Низкочастотный гул, отличный от звука Калигул, нарастал стремительно, переходя в инфразвук, от которого заныли зубы.

— Что это? — Октавия развернула спутниковую карту. Сигнал сверху не проходил. — Локальные тектонические процессы?

— Плотность объекта... — «Минерва» сделала паузу, пересчитывая данные гидролокаторов. — Объект имеет отрицательную плавучесть. Он поднимается.

Поверхность черного стекла лопнула беззвучно. Вода не плеснула — она просто разошлась идеальным кругом, обнажив поднимающуюся из бездны массу.

Это не был зверь. Это была архитектура. Гигантская раковина из спрессованного хитина, костей и спекшегося песка, размером с малый триумфальный храм. Она поднималась на платформе из тех же самых муравьев, слившихся в единый суперорганизм. Движение осуществлялось за счет волнового сокращения тысяч сегментированных тел, работающих как мышцы планетарного масштаба.

На вершине этой живой горы восседало существо.

Оно имело гуманоидные очертания, но состояло целиком из переливающихся черных сегментов. Лица не было — лишь гладкая маска из фасеточного материала, похожего на мутное бутылочное стекло. Вместо рук — пучки суставчатых конечностей, каждая из которых заканчивалась набором инструментов: клешней, сверлами из обсидиана и трубками, сочащимися

бледно-желтым ядом. Существо сидело в позе лотоса, и его присутствие давило на психику сильнее, чем вид шагающего танка. Оно излучало абсолютную, нечеловеческую целесообразность.

Преторианский заслон на дальнем берегу открыл огонь немедленно. Импульсные карабины разрядились смерчем фиолетовых молний. Фазовые деструкторы должны были превратить любую известную материю в пар.

Болты ударили в грудь существа. Они вошли внутрь, не встретив сопротивления, и вышли из спины, не оставив отверстий. Броня гиганта поглотила энергию фазового перехода. Молекулярные связи внутри прищельца перестроились, рассеяв разрушительный импульс по всему объему тела.

Существо плавно наклонило голову. Из его грудной клетки выдвинулся длинный, телескопический хоботок. Он нацелился на стрелявших легионеров. Раздался звук, похожий на вдох вселенной.

Хоботок втянул в себя воздух. Вместе с воздухом он втянул пятерых преторианцев, стоявших плотной группой. Люди не успели вскрикнуть. Силовое поле, генерируемое существом, сняло их с земли, сорвало броню, одежду, кожу, затянуло внутрь расширяющейся глотки. Спустя секунду хоботок выдохнул. Из жерла вылетело облако белесого праха и аккуратно уложенная на песок горка отполированного метеоритного железа — всё, что осталось от экипировки легионеров.

— Прекратить огонь! — рявкнул Александр. — Энергию реакторов перевести на кинетические щиты! Ждать моей команды!

Существо начало поворачиваться в сторону Императора. Его движения были текучими, лишенными инерции. Так движется вода или ртуть. Платформа из муравьев понесла его через озеро, формируя под собой временный мост.

— Октавия, спектральный анализ оболочки, — бросил Александр, вытаскивая гладиус из ножен. Клинок длиной в полтора локтя казался игрушечным против исполинской фигуры.

— Углерод-титановый композит переменной плотности, — отозвалась жена. Ее голос оставался ледяным, хотя датчики фиксировали у нее пульс свыше ста восьмидесяти ударов в минуту. — Он адаптируется к типу воздействия. Огонь станет ему пищей. Лазер — линзой. Тебе нужно пробить его физически, пока он не адаптировался к механическому сдвигу тканей.

— Понял, — Александр шагнул вперед, выходя на самый край береговой кромки. Вода лизнула носки его сапог. — Минерва, запуск протокола «Камертон». Всю мощность акустических эмиттеров Калигул — в одну точку. Цель — нижняя часть платформы. Частота разрушения кремния.

Императрица ввела финальный код. Реакторы машин на том берегу взвыло защитным механизмом охлаждения. Весь вырабатываемый ток устремился в субатомные излучатели.

Существо достигло берега. Оно возвышалось над Александром на добрых пять метров. Маска-глаз повернулась, фокусируясь на маленьком человеке в мокрой тряпке, сжимающем кусок острой стали.

Александр не стал ждать удара. Он прыгнул. Серводвигатели, встроенные в поясницу его костюма (единственная уступка технологиям после отказа от полной брони), сократились, подбрасывая его тело вертикально вверх на высоту четырех метров.

Время растянулось. Император видел каждую фасетку в глазу чудовища. Видел, как внутри его грудной клетки перетекают потоки зеленой лимфы. Он целился не в голову — голова была антенной. Он целился в стык между нижней частью туловища и платформой из муравьев.

Он приземлился точно на плечо существа, используя инерцию падения для усиления удара. Сапог пробил верхний слой хитина. Гладиус обрушился вниз.

Александр вложил в удар всю массу своего тела и помощь гидравлики. Лезвие вошло в плоть прищельца с неожиданной легкостью, словно в густое масло. Император провернул клинок, чувствуя, как рвутся внутренние гидравлические тяжи монстра.

Из раны хлынула не кровь. Выплеснулось облако горячего газа, пахнущего аммиаком и жженым сахаром. Существо издало звук — высокий, певучий звон лопнувшей струны. Его суставчатые руки метнулись к человеку.

В эту секунду Калигулы ударили.

Концентрированный акустический луч частотой четыреста гигагерц — точка резонанса кристаллической решетки кремния — вонзился в основание живого моста.

Платформа из миллионов муравьев перестала существовать как единое целое. Звук разорвал связь между хитиновыми сегментами. Суперорганизм превратился в дождь. Миллиарды черных тел градом посыпались в черную воду, продолжая слабо дергаться.

Верхняя часть существа потеряла опору. Она начала заваливаться назад, увлекаемая собственной массой. Но смертельный захват его конечностей уже сомкнулся на поясе Александра. Четыре зубчатых лезвия прошли ткань туники и погрузились в бок Императора, пройдя между ребрами.

Боль пришла мгновением позже — острая, электрическая, парализующая. Система жизнеобеспечения вспыхнула багровым в глазах императора. Захлебываясь кровью, которая моментально заполняла его легкие, Александр сделал единственное, что мог сделать наследник Цезаря.

Он не отпустил рукоять меча.

Упираясь ногами в оседающую грудную клетку умирающего бога-насекомого, он надавил всем весом. Гладиус пошел вниз, рассекая позвоночный столб твари, перерубая магистральные сосуды-холодильники.

Существо рухнуло в озеро, подмяв Императора под себя. Тонущая машина потянула человека на глубину. Черная, едкая вода сомкнулась над головой. Кислородная маска костюма автоматически отсоединилась, герметизируя горло титановым воротником, но фильтры захлебывались местной химией.

В легких Александра не осталось воздуха. Только кислота и тьма.

Свет вернулся болью в затылке. Кто-то методично бил его по лицу открытой ладонью. Ритм ударов совпадал с библейским текстом — тяжелый, размеренный, не терпящий возражений.

Александр открыл правый глаз. Левый отказался фокусироваться.

Над ним нависал потолок из полированного металла. Воздух пах озоном, антисептиком и дорогим табаком. Он попытался сесть, но тело оказалось пристегнуто к жесткой медицинской кушетке титановыми браслетами.

— Дернешься еще раз, Первый Гражданин, и я волью тебе в трахею литр жидкого азота, — сообщила Октавия. Она сидела в кресле-каталке рядом с его ложем. После битвы в пещере ее инженерный комбинезон превратился в лохмотья, пропитанные чужой слизью и ее собственной кровью из порезанного предплечья. Но золотые волосы, обычно скрытые шлемом, были собраны в идеальный, хоть и грязный узел на затылке. — Нейроблокатор действует. Можешь поблагодарить меня за спасение твоей императорской шкуры.

— Сколько... прошло? — слова выходили с хрипом. Внутренности болели так, словно их пропустили через мясорубку.

— Двадцать три минуты, — она кивнула на монитор, отображающий состояние его тела. — Левое легкое схлопнулось. Три ребра заменены на углеродный композит. Печень очищена от пяти видов неизвестных токсинов. Глаз мы тебе вынули. Механический будет готов через неделю, пока походишь с повязкой. Выглядит героически. Жаловаться будешь — лишу десерта.

Александр попробовал пошевелить пальцами левой руки. Они слушались.

— Существо?

— Рассыпалось. Как только умер центральный узел, рой потерял коагулянт. Муравьи пожрали друг друга за восемнадцать секунд. Остался только чистый осадок на дне. Химический отдел в экстазе — концентрация платины в теле твари превышает земную руду в сорок тысяч раз. Мы окупили экспедицию на триста лет вперед, спасибо, что решил поплавать.

— Техника?

— Все Калигулы стоят на том берегу. Пришлось сбросить мощность реакторов, иначе акустический удар сжег бы обмотку двигателей. Мы временно слепы, спутники нас не видят из-за испарений озера. Но мы прошли. Топлива хватит, чтобы доползти до оазиса на брюхе.

Она замолчала, разглядывая его лицо. Впервые за долгие месяцы в ее взгляде не было вычислительной отстраненности. Там было что-то холодное и липкое, похожее на страх, который она забыла, как испытывать.

— Знаешь, что оно пыталось сделать, прежде чем ты его выпотрошил? — тихо спросила Октавия.

— Убить меня.

— Нет. Анализ записи нагрудной камеры показывает иное. Оно не реагировало на выстрелы. Оно реагировало на твой прыжок. Оно хотело забрать тебя *живым*. Хоботок был настроен на мягкую транспортировку биологических тканей. Тот газ, который оно выдохнуло — мощный анальгетик и мышечный релаксант. Оно собиралось упаковать тебя в кокон и унести вниз.

— Зачем? — прохрипел Александр. — Образцы ДНК?

— Оно смотрело на наш строй, Алекс. На геометрию. На то, как мы идем. Нижняя пещера, откуда оно пришло — это не гнездо. Это библиотека. Стены покрыты петроглифами глубиной в сантиметр. Сделанными этими их суставчатыми руками. Они записывают историю континента вибрацией камня. И судя по последним записям, они ждали нас. Они чувствовали приближение чего-то, что нарушает баланс масс планеты.

Октавия наклонилась ближе, ее губы оказались в дюйме от его уха.

— Оно хотело спросить тебя, зачем ты ломаешь его дом. Но ты не оставил ему времени на вопросы.

Александр закрыл единственный целый глаз. Больничная койка, стерильный металл и потеря зрения внезапно отрезвили его лучше, чем любая ледяная ванна.

В болотах Нумидии он боролся за выживание. В русле Итер Парадоксума — за скорость. В Карфагене — за амбиции.

Там, в черной воде, среди миллиардов гибнущих насекомых, он впервые почувствовал себя не завоевателем. Он почувствовал себя вирусом. Болезнью, которую планета пыталась изолировать в биологическом сейфе на дне озера. И он вырезал этот сейф изнутри, потому что его чертежи требовали именно этого места.

— Дом можно перестроить, — сказал он, наконец размыкая губы. Кровь больше не шла. — Прикажи выдвигаться. Повязка на глазу мешает мне смотреть графики выработки. Дай мне планшет.

Октавия усмехнулась. Это была страшная, неживая улыбка женщины, которая похоронила мужа заживо под тоннами инопланетного мяса и вытащила его обратно только потому, что его смерть нарушила бы производственный график.

— Таблетки от бешенства не существует, да, мой милый? — она вложила в его свободную правую руку холодный прямоугольник тактического терминала. Экран загорелся мягким изумрудным светом. — Свяжись с орбитой. Скажи Юпитеру, что ворота открыты. Пусть начинают спуск литейных модулей. Наш новый фундамент жаждет стали.

Александр активировал канал связи. Над его головой, невидимое сквозь толщу скал, зависло железо Империи. Код «Божественного Грома» ждал своей очереди в памяти спутника. Но сегодня он им не воспользовался. Сегодня Рим победил не бомбой. Сегодня Рим доказал, что может войти в самую утробу Земли, убить ее древнего стража, выпить его кровь ради платины и использовать его труп как строительный раствор.

Технологии справились. Вопрос лишь в том, сколько таких стражей еще спит под трещинами Африки, ожидая, когда вибрация марша Третьего Железного снова разбудит их голод.

Глава 45. Погоня

Рассвет над Верхним Нилом не принес прохлады. Он лишь сменил спектр агонии: с душного, пахнущего гнилью и сероводородом багрянца ночи на ослепительно-белый, выжигательный ультрафиолет утра. Влажность была настолько плотной, что казалась жидкой. Она оседала на оптических сенсорах микрокристаллами соли, искажая реальность до состояния тяжелого, горячего бреда.

Третья ала Третьего Железного легиона вышла на дистанцию визуального контакта ровно в 04:17 по имперскому стандарту.

Впереди, вдоль изрезанной протоками береговой линии, двигался караван. Это были не классические купеческие суда пустыни — неуклюжие баржи на воздушных подушках или караваны генетически модифицированных верблюдов. Работоторговцы Внутренних земель использовали трофеи Старой Земли. Их транспорт состоял из полусотни плоских грузовых платформ, сваренных из брони списанных колониальных транспортов «Голиаф». Платформы скользили в метре над мутной водой на репульсорных двигателях класса «Б», которые должны были давным-давно уйти в переплавку. Из выхлопных сопел вырывались струи перегретого пара, воняющего горелым пластиком и дешевым синтетическим спиртом.

Караван выглядел как механический гнойник на теле Африки. Ржавчина покрывала его неровными рыжими струпами, но антигравитационные блоки работали исправно, поддерживая тяжелую конструкцию над топями. На палубах копошились люди — дикари в кожаных доспехах, скрепленных медной проволокой. Они кричали, размахивая зазубренными тесаками из обсидиана, погоняя свой живой тягловый скот: огромных, покрытых гноящимися язвами ящеров, чьи лапы вязли в прибрежном иле.

Но между алой Империи и целью лежала природа, которая за миллионы лет эволюции научилась убивать эффективнее любой стали.

Берег Верхнего Нила представлял собой слоеный пирог из геологических катастроф. Твердый базальт плато обрывался вниз пятидесятиметровой стеной. У ее подножия расстилался лабиринт мангровых лесов, затопленных недавним штормом. Корни деревьев росли вверх, сплетаясь в плотную трехмерную сеть, напоминающую легкие мертвеца. Между ними пузырились ямы с кипящей грязью, а воздух дрожал от испарений тяжелых металлов. Любой гусеничный тягач увяз бы здесь через десять метров. Любая живая лошадь переломала бы ноги о скрытые корневища еще на подходе.

Декурион Валерий Квинт стоял на открытой платформе головной машины связи. На нем не было тяжелой лорики сегментаты — она осталась в базовом лагере вместе с пурпурным палудаментумом трибуна. Декурион был облачен только в черный нательный комбинезон системы «Термостат-Марк IV». Тонкая ткань, пронизанная сетью капилляров с жидким азотом, поддерживала температуру его кожи на отметке тридцать шесть и шесть десятых градуса, пока окружающий мир пытался сварить его заживо.

Валерий поднял руку, затянутую в тактильную перчатку. Движение было едва заметным, но для кинетических платформ класса «Эквис-7» оно прозвучало громче трубы Гектора.

Пятьдесят машин синхронно присели на своих шести гидравлических опорах. Металл издал низкий, утробный гул напряжения. Затем произошло то, что заставило бы любого ветерана Старой Империи перекреститься: роболошади перестали быть похожими на животных.

Процесс трансформации занял ноль целых четыре десятых секунды. Суставчатые конечности втянулись в пазы титанового панциря. Корпуса вытянулись, принимая форму идеального вытянутого икосаэдра. Бортовые пластины разошлись, обнажая внутреннее свечение гравитационных эмиттеров.

«Эквисы» активировали протокол «Саркофаг».

Раздался звук, который невозможно описать биологической глоткой — это рвался звуковой барьер на сверхнизких скоростях. Пятьдесят многотонных машин сорвались с места. Удар отсутствовал. Вместо цокота копыт о камень раздался лишь нарастающий инфразвуковой рев, от которого заныли пломбы в зубах единственного выжившего кочевника-разведчика, наблюдавшего за ними с верхушки баобаба.

Роболошади шли не по земле. Они шли сквозь нее. Магнитные подушки позволяли им игнорировать гравитацию там, где это было выгодно. Когда передовая группа достигла края обрыва, машины не сбросили скорость. Они просто изменили вектор тяги. Шесть опор каждой платформы ударили в вертикальную стену базальта. Снопы оранжевых искр взвились к небу, когда алмазные наконечники лап нашли сцепление с породой.

— Протокол «Паук», — бесцветным голосом бросил Валерий в костный имплант связи. — Интервал два метра. Использовать тени крон для маскировки теплового следа.

Ала начала подъем. Для наблюдателя снизу это выглядело как коллективное самоубийство элитного подразделения. Машины бежали по отвесной скале вниз головой, цепляясь за малейшие трещины. Их гироскопы непрерывно пересчитывали центр тяжести, компенсируя вес массивных батарей импульсного огня, закрепленных на спинах.

Природа попыталась ответить. Старый корень акации, толщиной с человеческое туловище, внезапно обломился под весом передней машины и полетел вниз. Но «Эквис-девять» даже не дрогнул. Его центральный процессор просчитал траекторию падения бревна, вычислил точку удара о воду (которая подняла бы тучу брызг, демаскирующую отряд) и скорректировал шаг задних конечностей, пропустив ствол точно между своими сервоприводами, не потревожив ни единого листа папируса внизу.

Наверху, на плато, караван работоторговцев наконец заметил угрозу. Дикари забежали по ржавым палубам, пытаясь развернуть неповоротливые платформы-ящерами. Послышались сухие щелчки кремневых курков их кустарных аркебуз. Облако черного порохового дыма повисло над рекой.

Снаряды прошли в ста метрах ниже римского авангарда. Пороховое оружие против кинетической подвески — это была даже не насмешка. Это была статистическая погрешность.

Валерий переключил канал вокодера на общую частоту ал.

— Говорит Декурион. Сенсоры LIDAR фиксируют промоину прямо по курсу. Глубина восемь метров, заполнена соляной кислотой после выброса вулканического газа. Координаты цели меняются. Они уходят в рукав Зеленых Топей. Протокол перехвата отменяется. Переходим к плану «Котел».

План «Котел» не предполагал лобового столкновения. Римляне никогда не били в стену, если могли заставить стену упасть на врага.

Основная часть каравана вошла в лабиринт мангровых корней. Живые ящеры, тянувшие задние платформы, истошно ревели, проваливаясь в невидимые ямы с едким илом. Деревянные колеса их допотопных телег ломались о узловатые колени деревьев. Караван замедлялся, превращаясь в удобную, скученную мишень.

В этот момент сверху на них упала тень.

Передовая группа «Эквисов» завершила обходной маневр. Роболошади висели на горизонтальных ветвях гигантских фикусов, зацепившись тремя конечностями каждая. Четвертая конечность — тяжелый плазменный резак промышленного типа — уже выходила на рабочую температуру.

— Огонь по приводам, — приказал Валерий. — Оставить тягловый скот в живых. Нам нужны носители информации.

Команда прошла по квантовой сети со скоростью света. Синхронизация залпа составляла наносекунды.

Это не было похоже на битву. Это была хирургия. Узкие фиолетовые лезвия фазовых деструкторов протянулись сквозь влажный утренний воздух. Они не искали людей. Они искали металл.

Первым делом срезало репульсорные блоки главных платформ. Раздался оглушительный хлопок — это аварийные клапаны сбрасывали давление из охлаждающих систем. Одна из грузовых платформ рухнула в грязь с высоты двух метров. Титановый корпус смялся гармошкой, похоронив под собой десяток охранников-кочевников.

Затем пришла очередь живого скота. Фазовые лучи прошли сухожилия задних ног ящеров. Биологическая материя распадалась быстрее металла. Плоть превратилась в пар, кости обнажились и тут же вспыхнули белым фосфорным огнем. Огромные туши рухнули в ил, захлебываясь собственным бульканьем.

Караван потерял ход.

Кочевники ответили яростно и глупо. Старейшина племени, седой мужчина с лицом, похожим на высохшую маску, вскрыл себе вену ритуальным ножом и плеснул кровью на главный генератор своей флагманской платформы. Древняя шаманская магия встретилась с имперской физикой. Кровь закипела на контактах, вызвав короткое замыкание. Вспышка электромагнитного импульса вырвалась наружу.

У Валерия на внутреннем визоре полопались все иконки интерфейса. Системы внешнего наблюдения погасли. Связь с половиной машин прервалась.

На три секунды декурион остался слеп и глух посреди вражеской территории. Система жизнеобеспечения костюма перешла в режим жесткой экономии, отключив охлаждение пальцев рук. Жар начал обжигать кончики фаланг.

Но физика всегда побеждает мистику. Экраны «Эквисов» восстановились первыми. Военные протоколы помехозащиты сожрали гражданскую электронику кочевников без остатка.

— Акустика, — хрипло выдохнул Валерий, массируя обожженные пальцы. Боль была полезной — она напоминала ему, что он все еще человек, а не придаток ИИ. — Минерва, пакет «Диссонанс». Частота семь и восемьдесят три сотых. Форма волны — обратная синусоида. Радиус поражения сорок метров. Мы закрываем глаза.

Центральный узел связи ал принял команду. Все пятьдесят машин одновременно деактивировали свои внешние видеокамеры и лазерные дальномеры. Оптические сенсоры уязвимы к отраженному свету собственных залпов. Чтобы выжить, они должны были полагаться исключительно на инерциальные навигационные системы и слух.

Они начали петь.

Из субатомных излучателей, встроенных в грудные отсеки «Эквисов», вырвалась звуковая волна. Человеческое ухо не восприняло бы ее как звук. Это было давление. Физическое, осязаемое уплотнение воздуха.

Частота 7,83 Гц совпадала с резонансом Шумана — естественным пульсом магнитосферы Земли. Инженеры Рима давно научились использовать эту частоту как идеальный ключ к разрушению кристаллических решеток.

Воздух над болотами пошел рябью, словно от невыносимого жара.

Первым сдалось дерево. Мангровые корни, веками державшие берег, состояли из целлюлозы. Миллиарды микроскопических волокон целлюлозы начали вибрировать в унисон с волной. Сначала они просто нагрелись от внутреннего трения. Затем межмолекулярные связи начали рваться.

Зрелище было эстетически совершенным и абсолютно ужасающим. Лес не падал. Он обращался в пыль. Стволы исполинских деревьев рассыпались мелким коричневым порошком, который тут же подхватывал ветер. Это напоминало ускоренную перемотку записи процесса гниения длиной в тысячу лет, сжатую в две секунды.

Следующим слоем реальности, принявшим на себя удар, стала вода. Озеро не покрылось рябью. Поверхность вертикально ушла вниз, обнажив дно на глубину пяти метров. Жидкость пыталась следовать за колебаниями давления, сжимаясь и расширяясь. Рыба, плававшая в глубине, мгновенно превратилась в желе внутри собственных чешуйчатых панцирей — кессонная болезнь наступила быстрее, чем нервный импульс успел передать сигнал боли мозгу.

Люди умирали иначе.

Человеческое тело на семьдесят процентов состоит из воды, заключенной в эластичные белковые мешки. Пакет «Диссонанс» не разрывал кожу. Он просто заставил эти мешки пульсировать с частотой, превышающей предел прочности эпителия.

Кочевники на палубах не кричали. Крик требует работы диафрагмы, а диафрагма перестала существовать как функциональный орган. Их тела начали сочиться. Сначала тонкой красной росой изо рта, носа и глаз. Затем сосуды лопнули окончательно. Люди взрывались изнутри фонтанами гемолимфы, оставаясь внешне целыми, но становясь пустыми сосудами, наполненными мясным фаршем.

Их кожаная броня, деревянные щиты и костяные амулеты вели себя так же. Органика распадалась на атомарный уровень. Единственное, что оставалось нетронутым — это металлы. Титановая обшивка имперских машин слегка завибрировала, издав приятный басовый тон, но композитная керамика поглотила избыточные гармоники.

Когда акустическая атака прекратилась, тишина показалась физически тяжелой. Давление выравнилось с таким треском, что заложило уши даже через фильтры шлемов.

Валерий открыл внешние микрофоны. Запах озона смешался с запахом вареного мяса и жженного дерева. От густого мангрового леса осталось идеально чистое, круглое пятно черной грязи диаметром в двести метров. Ни одного дерева. Ни одной капли стоячей воды. Только ровный слой серой пыли, медленно оседающей на поверхность болота.

Караван перестал существовать как военная единица. Остались только груз и трупы.

— Протокол «Трал», — голос декуриона вернулся к норме, лишившись хрипоты ожога. — Гарпуны. Собрать периметр. Мусор сбросить в кислоту, полезную нагрузку буксировать.

Роболоши снова перестроились. Теперь они походили не на капли, а на механических пауков-сенокосцев. Из спинных отсеков выдвинулись толстые кабели из армированного арамиды. Наконечники гарпунов раскрылись, превратившись в молекулярные якоря — диски размером с ладонь, способные при контакте с поверхностью запускать процесс холодной сварки.

Первые выстрелы ушли в землю вокруг разбитых платформ работоторговцев. Якоря впились в базальт и ржавый металл. Кабели туго натянулись.

Валерий наблюдал за процессом через резервный перископический датчик. Ему не нужно было отдавать приказы каждому солдату. ИИ «Минерва» управлял лебедками напрямую.

Началась релокация пространства.

Тысячи тонн ила, перемешанного с пеплом сгоревших деревьев, телами ящеров и фрагментами деревянных конструкций, пришли в движение. Под воздействием колоссальной тяги земля начала подниматься. Вода стекла по краям формирующегося острова, обнажая переплетение древних корней. Это больше не было погоней. Римская ала буквально вырезала кусок ландшафта вместе с добычей и перемещала его в безопасную зону.

Грузовые клетки с рабами сработали штатно. Амортизирующие феррокерамические капсулы выдержали акустический удар. Внутри сидели испуганные, окровавленные, но живые люди. Девочка, которую Валерий заметил еще во время подъема на скалу, теперь стояла вплотную к прутьям своей клетки. Ее левый глаз — тусклый, человеческий — был закрыт. Пра-

вый — кибернетическая линза с красным перекрестьем диафрагмы — методично сканировал замок.

Она не боялась. Вернее, ее страх был математическим. Она считывала микродеформации металла, вызванные вибрацией, ища точку приложения силы.

Процессия двигалась медленно. «Эквисы» пятились назад, вытягивая импровизированный плот из земли и смерти на твердую почву берега. Там, где прошел «Трал», оставалась траншея глубиной в десять метров, быстро заполняющаяся агрессивной соляной кислотой из подземного резервуара. Природа продолжала сопротивляться, пытаясь растворить следы войны.

Валерий спрыгнул со своего командного поста на твердый грунт. Магнитные подошвы его сапог тихо пискнули, адаптируясь к новой поверхности. Воздух здесь был чуть суше, хотя вонь озона и фосфора перебивала любые другие запахи.

Он подошел к ближайшей клетке. Внутри сидел старик-кочевник. Его левая рука была оторвана по локоть — результат схлопывания репульсора при попадании луча. Кровь давно свернулась благодаря автогемостатам, которыми пользовались дикари, но лицо мужчины было бледным от шока.

Старик посмотрел на декуриона. В его взгляде не было ненависти. Было абсолютное, животное непонимание того, как смертный может обладать силой бога.

Валерий молча достал из набедренного подсумка армейский шприц-тюбик. Игла-пневматика беззвучно вошла в шею пленника. Нейропаралитик третьего поколения блокировал болевые рецепторы и вводил мозг в состояние глубокого гипноза. Старик обмяк, привалившись к стенке клетки, его глаза остекленели.

— Этих — в карантинный блок Омега, — бросил Валерий оператору-меддроиду, катящемуся рядом на гусеницах. — Стереть язык. Загрузить Базовый Устав Строителя. Уровень доступа — чернорабочий. Срок ассимиляции — сорок восемь часов.

Меддроид зафиксировал клетку манипуляторами и покатил ее в сторону ожидающих транспортов. Империя не брала пленных. Империя перерабатывала человеческий материал в ресурс.

Внимание декуриона привлек шум сзади. Не лязг металла и не шипение гидравлики. Звук был мягким, ритмичным, почти мелодичным. Песок. Кто-то водил пальцем по слою серой пыли, покрывавшей брошенный щит мертвого кочевника.

Валерий обернулся. Это была та самая девочка. Ее капсула была открыта — автоматика признала нейросигнатуры ребенка недостаточно опасными для усиленной изоляции, либо просто дала сбой от общего электромагнитного перенапряжения поля боя.

Девочка сидела на корточках. Ее одежда представляла собой лохмотья, пропитанные слизью и грязью. Но поза была идеальной — позвоночник прямой, плечи расправлены. Так сидят дети аристократов на уроках каллиграфии.

Ее палец выводил на песке сложную геометрическую фигуру. Окружности, вписанные друг в друга, пересекающиеся эллипсы, векторы сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.